

марсианин вторжение

Эдгар Грант

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эдгар Грант

Марсианин. Вторжение

«Автор»

2023

Грант Э.

Марсианин. Вторжение / Э. Грант — «Автор», 2023

После первого контакта на орбите Марса события развиваются стремительно и непредсказуемо. Не проявив должной осторожности, человечество оказывается в ситуации вторжения инопланетной формы жизни на Землю. Борьба с этим неожиданным вторжением практически невозможно, и перспективы выглядят все печальнее. Найдут ли герои способ избежать колонизации, или землян ждет участь подчиненных инопланетному разуму существ. Продолжение романа "Марсианин".

© Грант Э., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Орбита Марса	5
Земля. Китай. Центр управления миссией	33
Орбита Марса	36
Земля. Гавайи. Карантинный городок миссии «Рассвет»	46
Земля. Ботсвана. Чобе. Природный заказник Альфа-Спейс	49
Китай. Центр управления миссией «Рассвет»	51
Орбита Марса	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Эдгар Грант

Марсианин. Вторжение

Орбита Марса

Готовый к началу миссии российский «Зевс» получился почти полной копией того, что полтора года назад построил Теон, а его стыковочная связка с орбитальной сборочной станцией вообще создавала устойчивое ощущение дежавю. Сверкающая на солнце серебристыми гранями конструкция, как и прошлый раз, казалась сошедшей с экрана фантастического фильма. Но все же существовало одно заметное отличие – при старте буксира к Марсу не было того показного голливудского пафоса, который организовал Курц во время полета к астероиду. Все происходило скромно, буднично, по-деловому, без ярких прожекторов подсветки, без выбора момента старта в первых лучах показавшегося из-за Земли Солнца, без разгонного рывка реактивных двигателей, уносящего стремительное, похожее на дротик тело космического корабля в бескрайнюю пустоту пространства.

Землянам сейчас было не до красочных орбитальных шоу. Внизу на поверхности бушевал жестокий экономический кризис, который был вызван крушением долларовой финансовой системы, спровоцированным падением астероида на Вашингтон¹. Если бы не совместные усилия по поддержанию стабильности, предпринимаемые Россией, Китаем и США, то его последствия вполне можно было бы сравнить с полноценной мировой войной.

На Земле люди находились в полном неведении относительно реальных целей миссии. Они были озабочены собственным выживанием и с недоумением и даже злостью следили за редкими новостями с орбиты о совместной экспедиции на Марс. Им было непонятно, зачем тратить время и колоссальные средства на полет к соседней планете, когда на Земле экономика падает катастрофическими темпами, четверть землян находится на грани голода, а десяток стран стоят в шаге от начала войны за доступ к ресурсам.

Несмотря на молчаливое раздражение правительств и простых людей, три страны прилагали титанические усилия, чтобы ускорить работы по сборке космического буксира. Окончательная доводка «Зевса» в цехе, разборка на модули, доставка их на космодромы в России, США и Китае, а затем дальше, на орбиту, заняли около десяти месяцев. Еще три ушло на сборку и два – на летные испытания буксира. Наконец после короткого периода устранения незначительных неполадок состоялся старт к Марсу, о котором в большинстве СМИ промелькнуло лишь короткое, не привлекающее внимания сообщение.

За время подготовки миссии температура внутри трех прогреваемых полостей Фобоса поднялась на 103 градуса и достигла минус 47 градусов по Цельсию. В последние несколько недель нагрев замедлился до 3-4 градусов в месяц. Если он останется постоянным на этом уровне, то до нуля, при котором теоретически возможен выход живых организмов из криогенного состояния, остается еще почти полгода. Сложность таких прогнозов была в том, что никто не знал, что за организмы находились на борту и находились ли они там вообще. Возможно, их «пробуждение» произойдет при более низкой температуре. Возможно, при более высокой, чем ноль по Цельсию. Выяснить это можно было, лишь попав внутрь ковчега. Именно с этой целью к Марсу, стремительно набирая скорость, шел «Зевс».

Перелет к Красной планете занял 58 дней. Выйдя в расчетную точку, буксир отормозился, совершил серию корректирующих маневров, отстыковал свой груз и тут же направился к Земле. Там, на орбитальной станции, уже собирался пакет из модулей для следующей ходки.

¹ Здесь и далее ссылки на события, описанные в романе Эдгара Гранта «Марсианин».

Полезной нагрузкой, доставленной на орбиту Марса, была полностью собранная, укомплектованная экипажем и готовая к работе орбитальная станция. компоновка ее модулей, как и в экспедиции к астероиду, напоминала барабанный магазин револьвера, только «патронов» в нее вмещалось семь, а не шесть, как на первом буксире, и были они несколько больше размером.

Скорректировав орбиту и синхронизировав ее с Фобосом так, чтобы он максимальное время находился в поле зрения, экипаж развернул длинные лопасти солнечных батарей и начал подготовку к высадке на спутник. Для этого в одном из модулей находился небольшой «Персей» – орбитальный челнок, собранный на базе американского беспилотника X-37². Он мог нести на борту исследовательскую группу из трех астронавтов, был плотно упакован средствами РЭБ и имел оружие, которому позавидовал бы тяжелый истребитель. Кроме модуля с десантным аппаратом, на станции был еще и боевой. Там находилась аппаратура радиоподавления, а также ударные системы, включающие управляемые и неуправляемые ракеты разного калибра и предназначения, и компактный прототип рельсотрона³, предоставленный DARPA⁴. Еще один модуль содержал бурильную установку, которую планировалось применить, если не будет найден легкий способ попасть внутрь Фобоса. Оставшаяся часть станции состояла из рабочего модуля, где находился центр управления и несколько лабораторий, двух жилых модулей для экипажа и модуля обеспечения с запасом воздуха, воды, еды, топлива и всего необходимого для нормального функционирования станции. Экипаж – восемь человек. Из них только Курц был «свободным специалистом», значившимся в штатном расписании как исследователь.

Руководители миссии не горели желанием брать на борт «Зевса» гражданского без «космической» специализации, не прошедшего спайку с командой, да еще обладавшего взбалмошным, непредсказуемым характером. Но участие в полете к Фобосу было одним из условий, на которых Курц согласился на сотрудничество. Вернее, не условием, а настоятельной просьбой, потому что все активы и инфраструктура Орбитал легко могли быть реквизированы директивой Кристофера. В конце концов Дубров уговорил китайцев и американцев и миллиардера включили в экипаж. На стороне Теона оказалось то, что он пару лет назад прошел в НАСА курс подготовки астронавтов, и то, что в команде, полностью состоявшей из военных, было разумным иметь человека, способного на нестандартные, неординарные решения.

Так или иначе, сейчас Теон с орбиты наблюдал в иллюминатор за блеклым марсианским рассветом. Из-за низкой плотности атмосферы и небольшого, размером с яблоко, Солнца он был не таким зрелищным, как над Землей, но все равно впечатлял хотя бы тем, что это был первый рассвет над другой планетой, который земляне видят собственными глазами.

После отстыковки станции, развертывания батарей и активации систем часть экипажа занялась подготовкой орбитального самолета к высадке на Фобос. По плану во время первого полета он должен был подойти на безопасное расстояние и запустить в сторону спутника два дрона, оборудованных волновыми излучателями, работающими в широком диапазоне частот. Предполагалось, что это спровоцирует защиту Фобоса и позволит уточнить положение его локационных станций и антенн подавления. Затем пилоты попытаются вывести эти устройства средствами РЭБ или хотя бы заблокировать их негативное воздействие постановщиками помех. В случае неудачи должно последовать их физическое уничтожение. Затем еще серия дронов, чтобы проверить, существует ли второй эшелон защиты, и в случае необходимости

² Boeing X-37 OTV (Orbital Test Vehicle) – американский многоцелевой беспилотный орбитальный самолет для тестирования новых технологий. Обладает возможностью маневрирования на орбите, способен выполнять исследовательские, разведывательные и боевые задачи.

³ Электромагнитная пушка.

⁴ Defense Advanced Research Project Agency – Управление перспективных исследований Минобороны США.

еще и еще. Планировалось совершить столько вылетов и нанести столько ударов по системе защиты, сколько потребуется, пока Земля не сочтет высадку безопасной.

Был и второй вариант, предложенный Теоном в самом начале миссии и в принципе одобренный ЦУПом. Он состоял в том, чтобы высадить на поверхность одного человека в специальной экранированной капсуле, снабженной пассивными средствами противодействия РЭБ и имеющей минимальную волновую сигнатуру, не способную активировать защиту ковчега. На астронавте будет специальный скафандр, почти лишенный электроники, который, по замыслу миллиардера, сможет обмануть сенсоры на поверхности, если таковые там будут находиться. В случае если пробная высадка пройдет удачно, во время следующих заходов специалисты-электронщики попытаются деактивировать защитные системы Фобоса генераторами локальных электромагнитных импульсов. Это позволит избежать массированного физического силового воздействия на спутник. Капсула и скафандр были спроектированы и изготовлены Орбитал. Теон их испытывал лично и имел предварительную договоренность, что именно он будет первым человеком, высадившимся на поверхность спутника.

Какой из двух вариантов действий выбрать, должна была решить Земля после первого подлета к ковчегу. Вообще вся миссия, начиная с контакта с Фобосом, была очень ситуативна. Решения предполагалось принимать по ходу действия с учетом складывающихся обстоятельств. Но цель была одна – попасть внутрь, выяснить, что находится в капсулах и возможно ли каким-то образом получить управление над объектом.

Первый подлет к Фобосу удивил. «Персей» в беспилотном режиме вышел на безопасную дистанцию и запустил пару дронов, но никакой реакции не последовало. Защита спутника никак не среагировала на вторжение. Два аппарата, облетев спутник, успешно приземлились на поверхность и по команде со станции отключились. Тогда командир принял решение начать медленную подводку орбитального самолета к поверхности. Тот тоже пересек семидесятикилометровую границу защитной зоны, приблизился на пятьдесят километров, затем – на десять, повисел на этом расстоянии, сканируя поверхность, и, не встретив никакого противодействия, вернулся на корабль.

То, что защита не была активирована, радовало и настораживало одновременно. Фобос как бы приглашал к себе в гости. Чем такой визит может закончиться, было непонятно, и от этого всем становилось не по себе. Это ощущение усилилось, когда на следующий день сенсоры зафиксировали остановку прогрева внутренних полостей на отметке минус 95 градусов. Что это могло означать? Поломка? Сбой в системе активации ковчега? Или выполнение какого-то неизвестного алгоритма с вполне определенной целью. И почему отключилась защита, словно людей приняли за своих?

Вопросов пока возникало больше, чем ответов, но одно было ясно – возможность того, что удастся избежать применения силы, возростала. Поэтому командир после консультаций с ЦУПом отдал приказ Теоноу готовиться к высадке.

Сконструированный инженерами Курца аппарат для высадки на Фобос представлял собой миникорабль, способный совершать простые маневры в пространстве, а также приземляться и взлетать с поверхности. Основной его объем занимала капсула с астронавтом, в которой также находился аварийный запас кислорода и энергии, чтобы поддержать жизнь человека в течение нескольких часов, если во время высадки возникнут проблемы. Сам скафандр тоже был полностью автономен. Он был встроен в экзоскелет, позволявший даже при земной гравитации нести почти сто килограмм нагрузки, а в фактической невесомости дававший возможность передвигаться свободно, не ощущая скованности движения из-за жесткой многослойной оболочки скафандра. Экзоскелет был оснащен реактивными двигателями, способными в случае необходимости отправить астронавта с поверхности в космос и там придать ему импульс движения в нужном направлении. Однако вся эта электроника, за исключением про-

стейшего контура, обеспечивающего контроль над сервоприводами конечностей, была выключена, чтобы не спровоцировать реакцию защитных систем.

По плану орбитальный самолет должен был доставить спускаемый аппарат к Фобосу и отстыковать его на расстоянии одного километра. Далее по заранее просчитанной траектории тот подлетит к месту посадки, в автоматическом режиме приземлится на поверхность и откроет створки капсулы с экзоскелетом. Выполнив программу исследований, астронавт вернется к аппарату, который доставит его к самолету, ожидающему в нескольких километрах. На бумаге все выглядело просто. Теону предстояло проверить, как все сработает на практике.

Местом высадки был выбран район рядом с кратером Стикни, где находился загадочный «монолит». Этот странный объект правильной геометрической формы, похожий на трехгранное высотное здание или гигантский обелиск шириной около восьмидесяти и высотой почти двести десять метров, был обнаружен в 1998 году на снимках американского зонда Mars Global Surveyor. С того времени объект не переставал будоражить умы исследователей, провоцируя массу самых разнообразных теорий. Он стоял на равнинном пустынном участке, не имевшем других особенностей поверхности. Некоторые предполагали, что это лифт, ведущий внутрь спутника, другие – что космическое тело, воткнувшееся в Фобос под прямым углом, третьи – что кристаллическое образование, появившееся в результате эрозии. В любом случае место это оказалось примечательным потому, что именно там был локализован один из «радаров», подсвечивающих приближающиеся к спутнику объекты.

Подготовка к высадке заняла почти сутки. После всех проверок и тестов Теон облачился в скафандр, проверил работу экзоскелета, вышел в космос, разместился в находящейся во внешнем грузовом отсеке капсуле, подождал, пока оператор на станции проверит ее готовность, и довольный тем, что все работало штатно, вернулся на корабль. Оператор и инженеры продолжили работать со спускаемым аппаратом, а он принял таблетку снотворного и пошел спать. Старт был запланирован через десять часов. Надо было отдохнуть и подготовиться к первому прямому контакту человека с объектом инопланетной цивилизации.

В расчетное время манипулятор разместил спускаемый аппарат в отсеке для полезной нагрузки орбитального самолета и тот направился к цели. Все происходило на солнечной стороне Марса, чтобы тратить меньше энергии на подогрев скафандра. Время обращения Фобоса вокруг Красной планеты всего семь с половиной часов. Это означало, что для первой высадки на поверхность отводится максимум два часа. Необычайно много для первого контакта, но до обидного мало для того, чтобы что-то серьезно изучить.

Не встретив сопротивления, не включая средств подавления РЭБ, орбитальный самолет медленно преодолел границу, за которой обычно срабатывали защитные системы ковчега, и осмелев направился к поверхности. На расстоянии в километр он синхронизировал скорость, завис в расчетной точке и открыл грузовой отсек. Складной манипулятор вывел спускаемый аппарат наружу. В этот момент оператор на станции принял контроль, запустил двигатели и направил капсулу к месту приземления.

Через пятнадцать минут аппарат вертикально приземлился в двухстах метрах от «монолита». Створки грузового отсека открылись, и Курц, едва сдерживая в груди заряженное адреналином в предвосхищении открытий сердце, выглянул наружу. Он не увидел ничего, кроме клубящейся в лучах неяркого солнца серой мути. Вертикально стоящая капсула была окружена облаком тонкой пыли. Из-за небольших размеров спутника гравитация на нем значительно меньше, чем на Луне, и любое движение поднимает над поверхностью взвесь реголитовой пыли, возникшей в результате воздействия микрометеоритов.

Разочарованно вздохнув, Теон доложил о готовности и шагнул вперед по упавшему на поверхность трапу.

Идти в экзоскелете в условиях практического отсутствия гравитации было гораздо проще, чем во время тренировок на Земле. Даже прикрепленный к зажиму левой руки чемоданчик с приборами и инструментами, весящий килограмм сорок, не сковывал движения.

Чтобы не поднимать пыль, Курц попытался передвигаться вперед длинными прыжками, но контролировать усилие не удавалось, и он несколько раз неуклюже повалился на бок. Чтобы не спровоцировать защитные системы Фобоса, связи со станцией и самолетом не было, но он представил, как сейчас сквозь зубы ругается командир, наблюдая за его выходками, а экипаж едва сдерживается, чтобы не рассмеяться.

Протирая встроенной в перчатку щеткой пыль со стекла шлема, он медленно двигался дальше, как учили – короткими частыми прыжками. Через каждые пятнадцать-двадцать прыжков Теон останавливался и нажимал на запястье кнопку, включавшую на короткое время крошечный инфракрасный стробоскоп, смонтированный на плече. При отсутствии связи это был сигнал наблюдавшему за ним экипажу самолета, что все в порядке.

Пройдя таким комичным способом половину расстояния до «монолита», Теон остановился перевести дух и посмотрел вверх на возвышающуюся посреди голой пыльной пустыни громадину. Он на секунду прислушался к своим ощущениям. Волнение. Странная робость, как перед сложным экзаменом. Ожидание встречи с неизвестным. И еще что-то необъяснимое. Как будто идешь с просьбой к старому другу, которого не видел десяток лет и который за это время стал очень важным и влиятельным человеком. Как он сейчас? Изменился или остался прежним? Узнает ли? Поймет ли? Поможет или отвергнет?

Восстановив дыхание, сбившееся, скорее, от волнения, чем от нагрузки, Курц взглянул на закрепленный на запястье детектор. Все огоньки горели зеленым. Значит, радиация и всякое другое вредное излучение находились в допустимых пределах. Он развернулся против своей оси и посмотрел на «Персей», висящий в километре в пустоте. Помахал ему рукой, чтобы приободрить себя. Тот в ответ несколько раз мигнул прожектором. Пожужжав приводами, исследователь повернулся к «монолиту» и двинулся вперед.

Огромных размеров обелиск становился все больше и больше. Теперь он закрывал все небо. Нависал над крошечным человечком, как пришедший из глубины прошлого перст судьбы. Вечный, как время, и бессмертный, как сама Вселенная. Вот осталось двадцать метров. Десять. Теон уже не останавливался, чтобы включать стробоскоп. Он мелкими потешными прыжками беспомощного существа, стремящегося навстречу своему великому богу, двигался вперед, разрываемый жгучими желаниями. Коснуться. Познать. Открыть.

Наконец Курц остановился в метре от ровной, покрытой тонким слоем пыли стены и понял, что боится. Он чувствовал себя, как примитивная обезьяна из фильма Стэнли Кубрика «Космическая одиссея». Та тоже испытывала благоговейный трепет перед появившимся неизвестно откуда инопланетным монолитом, по сюжету запустившим процесс ее эволюции в человека.

Но то было в фантастическом кино, а какова цель этой нависающей над ним громадины?

Поддавшись неосознанному желанию, Теон наклонился вперед и подул на стену, пытаясь сдуть пыль. На внутреннем стекле скафандра образовалось матовое пятнышко испарины, которое тут же было стерто системой циркуляции воздуха. Он улыбнулся этому странному порыву. Медленно поднял руку и коснулся поверхности «монолита».

Секунду ничего не происходило. Затем поверхность под ногами мелко задрожала. От этой вибрации монолит покрылся завесой, поднявшейся с него пыли, и Теон почувствовал, как под перчаткой скафандра стена медленно поползла вниз.

«Монолит» начал опускаться в глубь Фобоса.

Ошеломленный Курц отступил на шаг. Затем отпрыгнул назад еще и еще, пока не вышел из пылевого облака. Теперь со своей новой позиции он четко видел – «монолит» медленно опускался под поверхность. Он развернулся на месте и посмотрел на самолет. Тот, как и

прежде, висел на своем месте, но оба курсовых прожектора лихорадочно мигали в режиме стробоскопа. Это был сигнал тревоги, требующий немедленного возвращения. Причем не с помощью спускаемого аппарата, а используя двигатели экзоскелета.

Выругавшись про себя, Теон отпрыгнул назад еще на несколько шагов, чтобы получить лучший обзор. Это не помогло. Тонкая пыль, осевшая на «обелиске», висела над поверхностью зыбким столбом высотой под двести метров. Он оглянулся на корабль еще раз. Тот продолжал лихорадочно сигналить об эвакуации.

– Какого черта они всполошились, – прошептал Курц и посмотрел на детектор опасности на запястье. Все огоньки горели зеленым.

Ну пошел «обелиск» под поверхность от его прикосновения. И что? Видимо, он так был настроен. Происходящее полностью совпадает с целью его прибытия на Фобос – изучить, разведать, попытаться понять. Прямой угрозы нет, а значит нет причин прекращать миссию.

Тем временем пылевое облако, медленно расплываясь от «монолита», полностью накрыло Теона. Он переключил несколько режимов на шлеме, но и в инфракрасном, и в ультрафиолетовом спектрах висела только клубящаяся муть, позволявшая видеть всего на несколько метров.

Через несколько секунд из-под поверхности раздался приглушенный сухой стук, как будто сработали замки гигантского механического затвора. Одновременно с этим звуком со стороны «монолита» появилось едва видимое сквозь пыль сияние. Теон присмотрелся, но разобрать ничего не смог. Он сделал небольшой прыжок вперед. Прислушался к ощущениям. Взглянул на светящийся зелеными огоньками детектор. Сделал еще один прыжок, затем еще. Наконец он достиг границы «монолита». Над поверхностью на высоте около полуметра поднималась ровная плоскость, представлявшая из себя его верхнюю грань. Курц нагнулся, осторожно дотронулся до нее. Ничего. Тогда он аккуратно взобрался на поверхность.

Как только Теон сделал первый шаг, произошло несколько событий. Он почувствовал тяжесть гравитации, под воздействием которой облако пыли стало быстро оседать. Неясное, рассеянное взвесью свечение сжалось в одну точку, находящуюся метрах в сорока перед ним. Но самым неожиданным было то, что в наушниках послышался радиообмен «Персея» с командиром орбитальной станции.

– Что он делает? Ему ясно просигналили возвращаться, – в голосе пилота чувствовалось напряжение. – Сейчас марсиане полезут.

– Да он сам как марсианин, – пришел ответ со станции. – У него статус свободного исследователя. Если не выполнил приказ о возвращении, вся ответственность за его безопасность с нас снимается. Статус активности?

– Прежний. Нас подсвечивают радары наведения объекта, но агрессивных действий не предпринимается. На поверхности – без изменений. Только у «монолита» пыль осела и на его поверхности появился источник света.

– На ковчеге включился генератор гравитации. В районе «монолита» изменилась волновая сигнатура. Ее природа неясна. Вам нужно отойти на безопасную дистанцию за пределы работы защитных систем объекта, – приказал командир станции.

– А исследователь? – спросил пилот «Персея».

– У него был шанс эвакуироваться. Мы не можем рисковать самолетом. С этого момента будем действовать по обстоятельствам.

– Эй... – неуверенно проговорил Теон. – Я вас слышу.

– Твою мать, – выругался командир экипажа со станции. – Кто активировал частоту исследователя? Связь с ним может вызвать агрессивную реакцию ковчега.

– Мы ничего не включали, – в замешательстве ответил пилот. – Похоже, эта хрень заработала сама или настройка произошла дистанционно аппаратурой объекта, потому что никакой реакции с его стороны нет.

– Повторите.

– Агрессивная реакция со стороны объекта отсутствует.

– Хорошо. Отходите на безопасную дистанцию. Будем наблюдать и поддерживать связь.

– Эй! А как же я? – Теон вдруг почувствовал, что остается один на один с этой полной тайн инопланетной громадиной, и испугался.

– Мы отводим самолет потому, что по нему сработали системы наведения объекта, – ответил командир. – Продолжайте выполнение миссии. Связь будет восстановлена полностью. Мы будем видеть, и слышать то же, что и вы, и вести вас. Как только закончите, эвакуируйтесь с помощью экзоскелета. Вас подберут в космосе, как и планировалось в экстренном случае.

– Понял, – без особого энтузиазма ответил Курц и включил все системы скафандра.

Тут же заработали камеры кругового обзора, на стекло шлема спроецировался дисплей дополненной реальности, а на левый глаз опустился визир управления командами движением зрачка. Жужжание микроприводов и светящиеся огоньки и шкалы на шлеме подействовали ободряюще. Он хорошо освоился с экзоскелетом и скафандром и знал его возможности, включая встроенный в правую руку плазменный резак, который в крайнем случае можно было использовать как оружие.

Тем временем пыль осела. Впереди стал хорошо виден источник свечения. В центре треугольной поверхности в воздухе висела сияющая белым светом точка.

– Вы это видите? – спросил Курц.

– Видим, – ответили со станции. – Осторожно продвигайтесь к источнику света. В двух метрах остановитесь. Мы проведем анализ.

Получив инструкции, Теон медленно пошел к светящейся точке. Индикатор детектора опасности, который теперь был выведен на стекло шлема, продолжал светиться зеленым. Это был хороший знак. В нескольких шагах он остановился. Точка испускала ровный холодный белый свет.

– Мы ничего не можем проанализировать, – сообщил командир. – Сенсоры показывают пустоту. Ни тепловой, ни гравитационной, ни электромагнитной сигнатур. Кроме визуального контакта ничего нет. Ее как будто не существует.

– Но я ее вижу, – Теон чуть сощурил глаза, словно пытаясь заглянуть внутрь этой таинственной искры.

– И мы тоже, – отозвались со станции. – Сделайте еще шаг.

Чувствуя, как учащенно бьется сердце, Теон шагнул вперед. Перед глазами на секунду потемнело. Где-то в глубине сознания возникли непонятные образы, цветовые пятна, сложные трехмерные фигуры. Затем все пропало.

– Что это было? – испуганным голосом спросил он.

– На прямой связи ЦУП. Это профессор Шаоси. Приветствую вас, – услышал он ответ в наушниках. – С этого момента я и наш суперкомпьютер будем вам помогать. Мы не можем сказать в точности, что произошло. У вас зафиксирован короткий и аномально мощный всплеск мозговой активности. Как вы себя чувствуете?

– Нормально. На мгновение все как бы потухло. Потом фигуры всякие перед глазами появились, но через секунду исчезли. Сейчас все нормально.

– Скорее всего, с вами состоялась попытка ментального контакта. Попытка неудачная, потому что вы на нее не ответили. Сейчас надо ждать следующих действий. Протяните руку к источнику света.

Теон медленно начал поднимать правую руку. Точка, мигнув несколько раз, изменила свой цвет на оранжевый. Вокруг нее в пространстве образовались несколько полупрозрачных сфер, находящихся одна внутри другой, и пересекающих их плоскостей и линий, испещренных постоянно меняющимися форму и цвет символами и сложными геометрическими фигурами.

– А это что? – задал вопрос Курц, стараясь уследить за быстро меняющимися картинками.

– Секунду, – ответил Шаоси. – Вроде наш искусственный интеллект пытается разобраться. Так. Электронные мозги находят в некоторых элементах отдаленное совпадение с квантовыми структурами, как подтвержденными, так и теоретически возможными.

– И что? – Теон поднял руку и коснулся одного из символов, на мгновение замершего перед его глазами. Символ распался на несколько десятков других. Курц дотронулся до одного из них. Сфера мигнула и вернулась в прежнее состояние хаотичного движения символов, линий и фигур. – Как это все должно работать? – он поймал еще один символ. Тот тоже рассыпался на десяток фрагментов, в которых при наличии фантазии можно было угадать схематические изображения частиц из области квантовой физики. – Какой мне нажать сейчас?

– ИСИН не знает, – ответил профессор. – Наша физика еще не дошла до такого уровня.

– Уровень... Конечно! Они проверяют уровень нашего развития, – прошептал Теон и наугад ткнул пальцем в несколько схем.

Сфера исчезла. Светящаяся точка снова сменила цвет. На этот раз на фиолетовый. Перед Теоном в пространстве повис прозрачный экран, на котором медленно вращались две простенькие атомарные конструкции. Одна была знакома еще с курса химии, другая – неизвестна.

– Это структура атома водорода, – Курц дотронулся до «экрана». Схема приблизилась и, увеличившись в размерах, показала строение атома в деталях: ядро в виде одного протона и вращающийся вокруг него электрон. Он коснулся протона. Схема изменилась на более сложную. – Так. Это я тоже знаю. Это атом гелия. Ядро из двух протонов и двух нейтронов и два электрона на их орбите.

После очередного касания возникла молекула воды, а рядом – сложная молекула, которую он однозначно уже где-то видел.

– Это вода. А это что? – спросил он.

– Это метан, – голос Шаоси звучал задумчиво. – По-видимому, они определяют нашу жизненную среду.

– Но причем здесь метан?

– Жидкий метан есть на некоторых спутниках внешних планет Солнечной системы.

– Если они дали нам такой вариант, значит, там тоже может быть жизнь, – предположил Теон.

– Им видней. С метаном будем разбираться позже. Пока выбирайте молекулу воды.

Картинка сменилась снова, на этот раз показав строение Солнечной системы с расположением планет. Между тремя из них, Землей, Сатурном и Юпитером, передвигалась ярко-зеленая метка.

– Они спрашивают, откуда мы. Но почему курсор прыгает по трем планетам. Разве на Юпитере и Сатурне тоже есть вода?

– На самих планетах нет. А вот на их спутниках, Европе и Энцеладе, под толщей льда есть водные океаны. Там вполне может быть жизнь.

Теон протянул руку, чтобы указать на Землю. Но командир экипажа остановил его.

– Стойте. Мы не знаем их намерений. Нельзя им открывать нашу планету. Нажмите Юпитер.

– Да бросьте, капитан. Вы же видите, они идут на контакт. Они не хотят нам зла. Иначе бы давно уничтожили и станцию, и самолет, и меня. К тому же они сами уже указали на Землю, – Курц протянул руку и коснулся третьей от Солнца планеты.

Картинка сменилась на карту звездного неба. Внизу экрана находилась шкала, по которой слева направо медленно двигался курсор. По мере движения курсора менялось расположение звезд.

– Вот тут я ничего не понимаю, – задумчиво проговорил Курц.

– ИСИН анализирует, – Шаоси умолк на несколько секунд. – Так. Это карта марсианского звездного неба. Внизу временная шкала. По изменениям звезд на небе можно опреде-

лить время. Отсчет начинается четыре миллиарда лет назад. И заканчивается в... Где-то в 2200 году. Точнее не определить. Это наше близкое будущее.

– Если я нажму на отрезок, то по звездной карте они определяют сегодняшнее время. Но зачем? При таких технологиях у них должны быть вечные атомные часы, – удивился Теон. – Только на этой шкале я точное время указать не смогу. Здесь нет калибровки.

– Наведите визир на шкалу, – предложил китаец. – ИСИН подскажет вам нужную точку, когда по ней будет проходить курсор.

После того как было введено реальное время, карта звездного неба свернулась и ее место заняла картинка Млечного Пути. На ней было отображено положение Солнечной системы с иконкой, изображающей звезду и планеты, и еще одна яркая пульсирующая алая точка, находящаяся, по галактическим масштабам, совсем рядом. От алой точки в сторону Солнца, выписывая эллипс, тянулась узкая линия. Она то пропадала, то появлялась на несколько секунд.

– Так. Это наша Солнечная система. А это что? Это их звезда? – Теон коснулся пульсирующей точки. Она развернулась в отдельное окно, показывающее двойную звездную систему, окруженную спиральной туманностью. – Наверно, они прилетели оттуда. Но как там можно жить? Смотрите, как звезды вращаются вокруг общего центра тяжести. И планет не видно.

– Нет там никакой жизни, – раздался в наушниках тихий голос Шаоси. – ИСИН опознал ее как WR-104 – звезду класса Вольфа-Райе в созвездии Стрельца. Система состоит из двух горячих ярких звезд. Одна из них находится на последней стадии эволюции и готова превратиться в сверхновую. При этом произойдет гамма-всплеск – колоссальный выброс энергии, направленный вдоль оси вращения звезды. За несколько секунд высвободится больше энергии, чем Солнце излучает за всю свою жизнь. Проблема в том, что ось направлена в нашу сторону.

– Они что, предупреждают нас об опасности? Чем это нам грозит?

– Если Земля окажется в таком луче, наступит глобальная катастрофа. Предварительные расчеты, основанные на массе WR-104, возможной мощности взрыва сверхновой и расстоянии, говорят о том, что энергия луча при столкновении с Землей может быть эквивалентна десяти-пятнадцати килотоннам на один условный квадратный километр неба. Все небо zalьет огнем, как будто в нем одновременно взорвалась тысяча ядерных бомб, сброшенных на Хиросиму. Обращенная к звезде сторона планеты будет полностью выжжена. Та, что окажется в тени, тоже погибнет, потому что луч уничтожит атмосферу. Прошлый гамма-всплеск произошел 390 миллионов лет назад и стал причиной Девонского вымирания, которое уничтожило 70 процентов всех видов на планете. Судя по остаточной радиации в породах, это был очень слабый луч далекой звезды. WR-104 гораздо ближе. Поэтому удар будет более смертоносным.

– Твою мать, – выругался Теон, всматриваясь во вращающуюся в спиральном пылевом облаке пару звезд. – Они нас предупреждают о катастрофе. Но мне она кажется маловероятной. Попасть в Землю узким лучом с такого расстояния невозможно.

– Это уже происходило раньше, – возразил Шаоси. – Ранние расчеты, проведенные при открытии этой звездной системы, показывали, что шанс попадания Земли под гамма-всплеск сверхновой превышает один процент. Это очень много. Если бы был такой шанс столкновения с астероидом, все бы уже стояли на ушах. В 2009 году пришли другие данные. Отклонение оси WR-104 составляло целых 30 градусов. Это полностью исключало попадание луча в Землю. Но, по-видимому, система нестабильна, и направление оси потенциальной сверхновой может меняться. Об этом говорит и линия, которая выписывает эллипс на предыдущей схеме.

– Давайте посмотрим, что будет дальше, – предложил Теон и коснулся экрана.

Большая из звезд вспыхнула. На ее месте образовалась черная точка, которая стала медленно поглощать туманность и всасывать в себя вещество соседней звезды. При взрыве из полюсов большей звезды вырвались и унеслись в пространство два ярких луча.

– Да. Это взрыв сверхновой, сопровождаемый гамма-всплеском. Хорошо видно, как образовалась черная дыра, которая со временем поглотит туманность и меньшую звезду, – сделал вывод китаец и попросил: – Коснитесь экрана еще раз.

Следующая картинка вернула на экран Млечный Путь и, увеличивая масштаб, прошла по лучу, идущему к Солнцу. На экране появился конус, который захватил половину Солнечной системы. В зоне прямого воздействия излучения оказались Земля, Венера и Меркурий. Марс и находящиеся за ним планеты на этой схеме находились с противоположной стороны Солнца в безопасной зоне. Все планеты, попавшие под гамма-всплеск, окрасились красным и пошли трещинами.

– Земля попадет под луч, – ошеломленный увиденным, прошептал Теон.

– Посмотрите на дату. Эта отметка на шкале соответствует приблизительно 2200 году.

– Это значит, что до взрыва осталось всего 180 лет.

– Это значит, что взрыв сверхновой уже произошел и гамма-всплеск, который движется со скоростью света, находится на расстоянии 180 световых лет от Солнца, – уточнил Шаоси и попросил: – Теперь коснитесь Марса. Он находится по другую сторону Солнца и не пострадает от взрыва.

На экране на секунду возник Марс со своими двумя спутниками. Затем фокус сместился на Фобос. Появилась его схема в разрезе с уже знакомыми полостями и камерами. Одна из них увеличилась, продемонстрировав длинные полки с капсулами. При детальном рассмотрении они оказались не стеллажами, а контейнерами. Следующим кадром капсула предстала в разрезе. Вопреки ожиданиям, в ней не было инопланетян. Эти контейнеры оказались заполненными небольшими шариками. Дальше анимация снова показала крупный план Фобоса, идущего по орбите Марса.

Перед глазами изумленного Теона предстала чарующая картина посева новой жизни на Красной планете. Ковчег, двигаясь круг за кругом по экватору, разбрасывал капсулы, которые, не долетев несколько сотен метров до поверхности, раскрывались и рассыпали вокруг себя находящиеся внутри шары. Шары, разлетаясь, падали в марсианскую пыль. Затем каким-то чудом вокруг них появилась вода, на пыльную поверхность упали капли дождя. Почва стала напитываться влагой. Шары раскрывались, выбрасывая вверх небольшие клубы дыма, тут же разносимые ветром, которого на Марсе быть не может. Дым редел, быстро оседая на влажный марсианский песок. Там, где он касался грунта, начинали прорастать колонии грибов на длинных тонких ножках или растения, похожие на папоротники, и даже небольшие стелющиеся по поверхности деревца, напоминающие земные хвойные.

– Это невероятно, – восхищенно выдохнул Теон. – Это капсулы со спорами. Они сеют жизнь. Но как произошло терраформирование Марса? Откуда взялась вода? Откуда атмосфера? Их просто не может там быть, потому что у планеты нет магнитного поля.

Словно услышав вопрос, на экране снова появился крупный план марсианской орбиты. Ковчег медленно сдвинулся и поплыл в космическое пространство. Анимация превратилась в схему, на которой Фобос занял позицию между Солнцем и Красной планетой.

– Вот вам и ответ, – не скрывая удивления, воскликнул Шаоси. – Фобос переместился в марсианскую точку Лагранжа. В этой точке силы гравитации Марса и Солнца уравниваются друг друга и находящееся там тело, обладающее малой по сравнению с ними массой, может оставаться относительно их неподвижным. Фобос обладает невиданным для своих размеров магнитным полем. По мощности оно сравнимо с земным. Если спутник встанет в точку Лагранжа, находящуюся на расстоянии 320 радиусов Марса по направлению к Солнцу, то его магнитное поле под влиянием солнечного ветра вытянется и накроет планету. Проблема отсутствия магнитного поля на Марсе, а значит и основное препятствие терраформированию и последующей колонизации, будет устранена!

– Они спасают человеческую цивилизацию, – сделал вывод Теон. – Они предлагают нам возможность переселиться с выжженной Земли на Марс. Но успеем ли мы? Сколько займет терраформирование?

– Если магнитное поле установится в ближайшие десять лет, то успеем. На Марсе, конечно, будет довольно скудная экосистема и ходить придется только в масках и защитных костюмах. Но жить будет можно. При встрече я вам опишу весь процесс. А сейчас давайте посмотрим, что дальше. Коснитесь экрана еще раз.

Воодушевленный открытиями, Курц дотронулся до Фобоса, стоящего в точке Лагранжа. Вместо смены картинки экран медленно растаял в пространстве. На его месте появилась сияющая белым светом точка.

– Кто вы? Откуда? – чувствуя, что контакт окончен, прокричал Теон, но точка схлопнулась в почти не видимую искру и погасла.

Пытаясь понять, что сделал не так, Курц растерянно оглянулся по сторонам и почувствовал, что вернулась невесомость. Затем под поверхностью послышался уже знакомый щелчок, как будто отошли затворы гигантского замка, и плоскость под ним пришла в движение. «Монолит» медленно выходил из-под поверхности и занимал свое прежнее положение.

– По-моему, сеанс закончился, – с грустью в голосе он констатировал очевидное. – Какие будут инструкции?

– Оставайтесь на «монолите», – раздался в наушниках голос капитана. – Когда он закончит подниматься, мы дистанционно включим реактивные двигатели экзоскелета. Они вас выведут в точку подбора «Персеем».

– Может лучше на капсуле? – предложил Курц. – Я еще могу спрыгнуть и спокойно дойти до нее.

– Нет. Капсула останется на Фобосе. Там запас воздуха. Он может понадобится позже. Используйте реактивные двигатели экзоскелета. Это не обсуждается, – голосом, не принимающим возражений, заявил капитан.

– Нет так нет, – без особого сожаления вздохнул Теон. Ему поскорее хотелось попасть на борт орбитальной станции, просмотреть записи своего контакта и поговорить с Шаося.

* * *

У выхода из стыковочного блока Теона встречал весь свободный экипаж. Отбившись от рукопожатий и поздравлений возбужденных коллег, он сразу же проплыл в модуль управления, где командир корабля что-то обсуждал с ЦУПом.

– Как он? – спросил миллиардер.

– Сами посмотрите, – кивнул тот на экран и увеличил одно из окон. Картинка шла с орбитального аппарата, находящегося в сорока километрах от Фобоса. За ковчегом в сторону Марса протянулся длинный шлейф, часть которого уже светилась от контакта с его разряженной атмосферой. – Ковчег приступил к сбросу груза. Интенсивность – несколько сотен капсул в секунду. Посев идет ровным веером вдоль экватора. Если наши расчеты по количеству капсул верны, то он сбросит все за несколько оборотов.

– Если следовать логике картинок с «монолита», после сброса ковчег должен двинуться в сторону точки Лагранжа.

– Верно, – кивнул командир. – Это в миллионе километров от Марса в сторону Солнца. А мы останемся висеть здесь, на орбите. Получается, что отсюда мы вряд ли сможем контролировать то, что будет происходить на Фобосе. Я тут просчитал, нам нужно изменить орбиту станции на очень вытянутую эллиптическую, тогда при небольшой корректировке двигателями мы будем за каждый оборот проходить возле объекта и хоть что-то сможем сделать. Проблема в том, что полный оборот при такой орбите будет длиной в три месяца, а время эффективного пребывания у объекта – всего пару дней.

– Орбита с такими параметрами ничего толком не позволит сделать, – Теону вдруг пришла в голову неожиданная мысль. – А может нам вернуть «Зевс»? Он отошел от нас всего на неделю. Это шестая часть пути к Земле. Буксир вернется, подцепит орбитальную станцию и оттянет ее в точку Лагранжа. Там мы подождем Фобос, скорректируемся, чтобы не мешать ему занять свое место, и зависнем рядом.

– Хорошая мысль, – кивнул командир. – Но такое решение в корне меняет полетный план, так что принимать его будет Земля.

– Конечно. Думаю, они там понимают, что потерять пару недель лучше, чем потерять почти четыре месяца, пока «Зевс» сделает ходку к Земле и обратно. А мы пока понаблюдаем за посевом. И, кстати, мы можем перехватить одну из капсул? Было бы неплохо взять ее с собой на Землю для исследований.

– Теоретически да. Они сбрасываются из десятка точек на поверхности объекта. Затем каким-то образом тормозятся и, потеряв орбитальную скорость, начинают падать на поверхность. В момент сброса скорости «Персей» может попытаться перехватить одну из них манипулятором.

– Надо сделать все возможное, чтобы получить хотя бы одну капсулу. Это критически важно для дальнейших исследований, – стараясь звучать как можно более убедительно, сказал Теон.

– Попытаемся. Только «Персей» заправим. И с Землей я должен это согласовать.

– Земля согласует. Я сейчас свяжусь с Шаоси. Он там все уладит. Не знаю, как насчет возвращения «Зевса», но захват капсулы согласует точно.

Через несколько минут Теон получил канал связи с ЦУПом.

– Это фантастика! – восхищенно воскликнул Шаоси. – Поздравляю вас. Вы навсегда вошли в историю человечества как первый контактер с внеземной цивилизацией. Да еще какой! Вы запустили терраформирование Марса, которое может спасти человечество от неминуемой катастрофы. Я уже заказал специальную серию шампанского, которую мы откроем, как только вы вернетесь.

– Спасибо, коллега. Я очень тронут вашей заботой, – смущенный таким широким жестом ответил Теон. – А пока давайте обсудим то, что здесь происходит. Ковчег начал сброс капсул.

– Верно. И это замечательно! Значит все, что вы увидели на «монолите», сбывается. Фобос, скорее всего, автоматическая станция терраформирования Марса, оставленная на его орбите специально для этой цели. Плохо, что мы не знаем, кем оставленная. Но это ничего не меняет. Главное, что она работает. Наша задача сейчас если не контролировать, то хотя бы мониторить процесс. Для этого у нас скоро будут самые мощные технологии, которые мы добудем с ковчега. Я уже в предвосхищении великих открытий.

– Я как-то не очень разделяю ваш оптимизм, – немного удивился такой бурной реакции Теон. – Особенно в свете того, что через 180 лет Земля будет выжжена гамма-всплеском.

– Это отдаленное будущее. Пусть о нем заботятся наши лидеры. Кто знает, какие технологии будут в нашем распоряжении через два поколения. Может, мы сможем каким-то образом экранировать Землю или придумаем еще что-то. Сейчас наш приоритет – Марс и то, что вокруг него происходит. И сам Фобос, чтобы получить доступ к инопланетным технологиям и изучить их.

– Изучение можно начать прямо сейчас, – Теон решил перевести разговор в практическую плоскость. – Нужно вернуть «Зевс», чтобы он отбуксировал нас в точку Лагранжа. Здесь, на орбите, мы бесполезны. Еще я попросил командира отправить «Персей», чтобы он перехватил одну из капсул, которые сбрасывает ковчег.

– Насчет возвращения «Зевса» я уточню. Здесь понадобится время на согласование. А вот перехват капсулы – прекрасная идея! Я тут же внесу ее в полетный план. Только ни при каких обстоятельствах не вскрывайте контейнер, если вам удастся его захватить. Это может

быть смертельно опасно как для экипажа, так и для организмов, которые могут находиться внутри. На капсуле, скорее всего, установлены датчики внешней среды. Она откроется автоматически, когда условия терраформирования будут выполнены. Для изучения капсулы и содержимого к следующему старту «Зевса» мы подготовим специальную лабораторию с высшим уровнем защиты.

– Так и поступим. Хотя, если честно, мне очень хочется самому взглянуть на ее содержимое.

– Там, скорее всего, споры или семена растений, которые будут участвовать в терраформировании, а также культуры микроорганизмов, – предположил Шаоси. – Их задача – модифицировать атмосферу во время второй фазы.

– Насколько я понимаю, первая фаза – это создание атмосферы и гидросферы. Мы успеем?

– Если магнитное поле Фобоса накроет Марс, то процесс пойдет быстрее, чем вы ожидаете. Мои модели говорят, что первые десять лет будет происходить накопление первичной атмосферы до уровня удержания тепла. В результате этого возникнет более плотный, чем сейчас, газовый щит. Как только это произойдет, поверхность начнет нагреваться на 3-6 градусов в год. Это приведет к таянию льда из диоксида углерода на северной полярной шапке. В результате этого появится полноценная атмосфера из углекислого газа с постепенно нарастающим парниковым эффектом. Этот процесс займет лет двадцать. Когда потепление наберет силу, оно высвободит воду из почвы и полярных ледяных шапок. Начнется ее планетарный круговорот. Пойдут дожди. Появятся реки и озера. Возможно, даже моря. Почва увлажнится до такой степени, что сможет поддерживать растения. На это уйдет еще 10-15 лет. Затем фотосинтез растений и микроорганизмов изымет из атмосферы углекислый газ и насытит ее кислородом. Это уже третья стадия, и она может идти сколь угодно долго. Но базовые условия в виде атмосферы и жидкой воды могут быть созданы на Марсе уже через 60 лет после появления магнитного поля. Если сработает посев из капсул, к тому времени на поверхности уже будет полноценная, хоть и довольно бедная флора. Я уверен, что, помимо спор, в контейнерах содержатся еще и микроорганизмы. Именно они и будут являться основой биомассы и главным двигателем терраформирования Марса, его атмосферы, почвы и водоемов. Так что лет через пятьдесят у нас будет возможность получить частично пригодную для обитания планету и преобразовать ее под наши потребности за оставшееся до гамма-всплеска время.

– Звучит довольно стройно, – уважительно покивал головой Теон.

– С теориями всегда так. Красиво на бумаге, а на практике на каждом этапе возникает куча проблем. Вот сейчас, например, наши боссы ломают голову, как все это рассказать землянам, чтобы у них не снесло крышу.

– Уверен, они что-нибудь придумают. Ведь три самые сильные страны на планете теперь действуют вместе.

– Согласен. Оставим большую политику большим политикам, – кивнул головой с экрана китаец. – Моя задача – изучать. Ну а свою вы определите сами. До связи, мой друг. Я пойду согласовывать наши следующие шаги.

Теон отвел глаза от потухшего экрана и взглянул в иллюминатор. В нем, подсвечиваемый сбоку Солнцем, висел Марс. Мечта и цель его жизни. Где-то с обратной стороны планеты вдоль экватора шел Фобос, оставляя за собой шлейф падающих на планету капсул с семенами новой биосферы.

Осуществил ли он свою мечту?

И да, и нет.

Ему пока не удалось ступить на Марс. Вместо этого он прикоснулся к загадочной и могущественной инопланетной цивилизации, которая давала человечеству шанс на спасение. Стоило ли это потраченного времени, денег и усилий, в который раз в голове Теона сам по себе

возник вопрос. Стоило ли на это тратить жизнь? Или лучше было бы провести ее в Африке с простыми, дорогими его сердцу людьми, жизнь которых он мог превратить в рай, потратив всего лишь ничтожную часть своего состояния.

И вообще... О том ли он мечтал все это время? Может, не имело смысла рваться на соседнюю планету, а использовать свою энергию и талант для того, чтобы сделать лучше жизнь людей на Земле.

* * *

Пока Теон задумчиво смотрел в иллюминатор, командир корабля, пользуясь защищенным от помех каналом, вводил код отключения обратного отсчета мощного ядерного фугаса, вмонтированного в транспортную капсулу, которая доставила астронавта-исследователя на Фобос.

Нет. Он не отключал заряд полностью, а лишь отодвигал детонацию на неделю. В положенный срок он отсрочит взрыв еще на некоторое время, которое ему будет передано военным руководством миссии. Затем еще и еще. Пока не будет полной уверенности, что ковчег и его содержимое не представляют угрозы.

Человечество должно оставить себе шанс в корне изменить навязанную ему последовательность событий. И такой шанс у него был в виде мегатонного термоядерного фугаса, встроенного в транспортную капсулу, оставшуюся стоять у основания «монолита».

* * *

В вопросе возвращения «Зевса» появился новый фактор. Фобос, сделав полный оборот вокруг Марса, остановил сброс капсул. При этом сканеры находящихся на его поверхности аппаратов показывали, что использовано чуть меньше десяти процентов их запаса. Значит, оставшаяся часть будет доставлена на поверхность позже. Логично было предположить, что ковчег не переместится в точку Лагранжа до того, как сбросит весь груз. Значит, и возвращать «Зевс», чтобы переместить вслед за ним орбитальную станцию, теперь не имело смысла.

Об этом капитан сразу же доложил на Землю, где уже несколько часов проходило совещание по последним событиям. В ЦУПе приняли информацию и быстро пришли к очевидному решению: буксир не будет менять курс и полетит к Земле, а экипаж марсианской орбитальной станции продолжит наблюдать за Фобосом, высадит на поверхность Марса в зоне плотного скопления капсул спускаемый аппарат для наблюдения за ними и после команды с Земли попытается еще раз войти в контакт с «монолитом». Так же серьезно рассматривалась возможность попытки проникновения внутрь ковчега. Для этого нужно было в деталях изучить его поверхность в поисках потенциальных точек входа.

Пока между капитаном и ЦУПом шел обмен, один из операторов, наблюдавших за Фобосом, доложил об изменениях. В нескольких местах были отчетливо видны расположения шлюзовых створок, через которые осуществлялся сброс капсул, но самым важным было то, что исчез «монолит». На его месте рядом с кратером Стикни можно было разглядеть только плотные задвижки, предотвращающие проникновение внутрь. Возможно, выполнив свою задачу по привлечению внимания и первичной коммуникации, этот странный объект ушел под поверхность.

Получив новую информацию, Земля взяла время на ее обдумывание. Капитану же передали команду готовить группу для высадки на Фобос, чтобы изучить место у одного из шлюзов сброса на возможность проникновения внутрь.

К вечеру пришла детальная расшифровка сканирования, которая подтвердила, что за один пролет ковчег сбросил только малую часть капсул. А еще под поверхностью у кратера Стикни приборы не обнаружили «обелиск». Причем это не могло быть сбоем аппаратуры. Треугольный монолитный объект из плотного, похожего на металл вещества высотой 210 и шириной 80 метров должен был хорошо контрастировать со скальной породой, составлявшей основу Фобоса.

Получалось, что «монолит» мог быть сброшен вместе с капсулами вне пределов прямой видимости станции где-то на обратной стороне Марса. Чтобы выяснить где, отправили орбитальный самолет «Персей», переведенный в режим беспилотника.

Первичное зондирование поверхности по орбите Фобоса вдоль экватора на всю ширину сброса капсул результата не дало. «Монолит» обнаружен не был. Впрочем, он мог быть отправлен в любую другую точку планеты. Вычислить куда именно, сейчас не представлялось возможным. Запас горючего для «Персея» был ограничен. Понимая, что в ближайшие недели предстоит еще не одна высадка на Фобос, его расходовали экономно. Поэтому поиски «обелиска» решено было отложить до прихода следующих двух буксиров с ресурсами и оборудованием.

День закончился на общем подъеме. Экипаж в предвкушении новых открытий был взволнован и готов работать сверх графика. Но капитан, оставив на контроле дежурную смену, разогнал всех по жилым секциям, чтобы на следующий день приступить к подготовке очередного рейда на ковчег.

Оставшись один в крошечной индивидуальной капсуле, Теон мысленно прогнал события сегодняшнего дня. В памяти четко, до граничащих с реальностью мелочей отпечатались высадка на Фобос. Даже показалось, что на губах остался вкус марсианской пыли, и он улыбнулся, когда вспомнил, как хотел через стекло скафандра сдуть ее с «монолита». Потом с благоговейным трепетом коснулся его поверхности. Она была теплой? Нет. Даже если ее температура отличалась от окружающей среды, то через перчатку скафандра он бы это не чувствовал. Потом «монолит» пошел вниз. Пыль. Ничего не видно. Потом неясное сияние и контакт с висящим в пространстве источником света и информации. Первый контакт человека с инопланетной цивилизацией. И его совершил он – Теон Курц.

Нет никакого сомнения, что ради этого момента стоило прожить жизнь. Особенно понимая то, что через 180 лет Землю накроет гамма-всплеск от далекой звезды, которая закончила свой жизненный путь, превратившись в сверхновую восемь тысяч лет назад, когда люди еще бегали с каменными топорами. Но к этому времени на Марсе уже будет полным ходом идти терраформирование и человечество не погибнет. Часть его переместится на Красную планету и будет жить здесь в новом мире, подаренным ему неизвестной цивилизацией.

Может, к тому времени марсиане проявят себя. Может, войдут в прямой контакт. Хотя вряд ли. Ковчегу больше трех миллиардов лет. Ученые говорят о том, что как раз в это время на Марсе был период в пятьсот миллионов лет, в который теоретически могла возникнуть разумная жизнь и развиться цивилизация. Потом произошло какое-то катастрофическое событие. На Красной планете пропало магнитное поле, солнечный ветер и космическое излучение уничтожили атмосферу, а с ней и жизнь.

Это было давно. Очень давно даже по космическим масштабам. Шанс, что те, кто создал ковчег, могут быть живы, стремился к нулю. А жаль. Хотелось бы им сказать спасибо и за своевременное предупреждение, и за шанс выжить в галактическом катаклизме.

Глядя в иллюминатор на проплывающую под ним поверхность Марса, Теон мечтательно вздохнул и, потуже стянув ремни, удерживающие его в «кровати», закрыл глаза. Нужно отдохнуть. Завтра будет трудный день.

Полежав несколько минут, он понял, что не заснет. Посмотрел на часы на встроенном в потолок экране. На Земле в часовом поясе ЦУПа сейчас вечер. Профессор Шаоци может быть свободен. Курц связался с дежурным по станции, сообщил, что нужна срочная консультация, и спросил, свободен ли канал с Землей. Через минуту в его индивидуальную капсулу прошло соединение с профессором.

- Не спится? – спросил китаец, как будто ожидал этого звонка.
- Я не отвлекаю? – вопросом на вопрос ответил Теон.
- Нет. Я в гостинице. Пытаюсь собрать мысли в пучок после всего, что случилось сегодня.
- Я тоже.

– И как?

– Не знаю, – вздохнул Курц, разглядывая Красную планету в иллюминатор. – Все это настолько впечатляет, что я даже не знаю, что думать.

– Согласен. Все идет к тому, что подтвердится существование цивилизации у нас под боком. Правда, она погибла три миллиарда лет назад. Но оставила после себя наследие как минимум в виде ковчега.

– Вы думаете, это марсиане? А если кто-то со спутников Юпитера и Сатурна. Там ведь тоже есть жидкая вода под толщей льда и условия вполне могут способствовать появлению и развитию жизни.

– Сомневаюсь, что ковчег с Европы или Энцелада, – чуть подумав, ответил Шаоци. – На спутниках водный мир, а Фобос явно творение сухопутных существ. К тому же, если вы помните, при вашем общении с «монолитом» он показал эти спутники как возможные места, откуда мы прилетели. Значит, он понимал, что там может быть жизнь. Это может служить еще одним подтверждением, что ковчег марсианский.

– Вы думаете, три миллиарда лет назад на Марсе смогла возникнуть продвинутая цивилизация? Вы сами говорили, что благоприятный период был всего пятьсот миллионов лет. Не мало ли?

– Не мало. Большую часть жизнь на Земле пребывала в виде простейших форм. Эволюция от простых одноклеточных до первых позвоночных заняла почти три миллиарда лет. Но как только появились позвоночные, дело пошло быстрее. От простейших рыб до орбитальной станции на Марсе прошло чуть больше пятисот миллионов лет. Причем на это время приходится три массовых вымирания, которые практически полностью стирали экосистему и запускали процесс эволюции новых видов почти с нуля. Взять хотя бы динозавров. Преобладающий класс. Распространены по всей планете. Некоторые виды проявляют потенциал развития. Те же рапторы уже имели хорошо развитый мозг и зачатки социального поведения и через некоторое время вполне могли эволюционировать в разумных существ. Но тут бац – гигантский метеорит, и все обнуляется. Место преобладающего класса занимают крошечные теплокровные зверьки, кормящие своих детенышей молоком. И произошло это 60 миллионов лет назад. Именно столько занял путь от крысоподобного существа до станции на орбите Марса.

– С этой точки зрения полмиллиарда лет достаточно для возникновения разумной цивилизации, – согласился Теон.

– Более чем, – поддержал его китаец. – Особенно если им удалось избежать периодов массового вымирания. – Просто подумайте. Если взглянуть на человека, то почти вся его история приходится на каменный век. Ранние ветки вида Номо начали появляться два с половиной миллиона лет назад, а то, что можно назвать цивилизацией, возникло пять-шесть тысяч лет назад. Это ничтожно короткий отрезок нашей истории. Но посмотрите, чего мы за это время достигли. Пять тысяч лет от первой плавки металла до обитаемой станции на орбите соседней планеты – это огромное достижение, я вам скажу. Причем большую часть технологий мы освоили за последние сто лет. Только вдумайтесь... От телеги на лошадиной тяге до обитаемой станции на орбите Марса за сто лет. Как вам такой прогресс? Если проецировать его темпы в будущее, то в течение следующих двух поколений человечество вполне может выйти на новый технологический уклад, основанный на неизвестных пока физических принципах, который откроет фантастические возможности. Так что, я думаю, пятьсот миллионов лет вполне достаточно, чтобы на такой планете, как Марс, в тех условиях развилась продвинутая цивилизация.

– Интересно, какие они.

– Здесь мы можем только строить предположения. Но для того чтобы это делать, у нас есть один проверенный на Земле инструмент – теория конвергентной эволюции. Она утверждает, что организмы, принадлежащие к разным классам, развивающиеся в схожих условиях внешней среды, обретают похожие черты и свойства. Мы предполагаем, что во время, когда,

возможно, на Марсе существовала жизнь и могла развиваться цивилизация, там были условия, ненамного отличающиеся от земных. Парниковый эффект поддерживал температуру в средней полосе на уровне 20 градусов. У экватора до 30. Атмосфера с достаточным количеством кислорода, но с меньшим содержанием азота и более насыщенная углекислым газом. На поверхности была вода, причем как пресная, так и соленая. На Земле есть места и похуже, но они тоже освоены организмами от бактерий до позвоночных. Так что, если наши предположения об условиях на Марсе три миллиарда лет назад верны, там вполне могли развиваться формы жизни, схожие с земными. Но вот какая из них вышла на уровень цивилизации, сейчас сказать сложно. Беспозвоночные, насекомые, земноводные, млекопитающие, может, даже птицы или рыбы – мы не знаем.

– Внутреннее строение ковчега организовано так, будто его обустроивали существа со схожими с человеком физическими параметрами.

– Верно подмечено, – с готовностью согласился Шаоци. – Лифты и переходы между секциями наводят на мысль, что их создавал кто-то, сравнимый с нами по размерам. Может, ниже или чуть выше. К тому же технические решения говорят о том, что цивилизация марсиан двигалась по схожему с нами пути, хотя в своем развитии они зашли намного дальше. Немного напрягает попытка ментального контакта в первые секунды. Это говорит о том, что марсианам известно гораздо больше о природе сознания. Надеюсь, вскоре многое прояснится. А пока надо набраться терпения.

– Вы думаете, мы получим ответы, когда проникнем в ковчег?

– Несомненно. Но, если мы не найдем вход, дающий легкий доступ, я буду выступать против проникновения с применением активных средств воздействия вроде бурения, сверления или взрывчатки. Фобос – это автономная станция терраформирования. Скорее всего, она управляется искусственным интеллектом, действующим по до конца неясному алгоритму. Мы знаем общую цель – сброс капсул с посевом и переход в точку Лагранжа, чтобы обеспечить магнитное поле. Также нам было заявлено, что Земле угрожает гамма-всплеск от сверхновой WR-104 и у человечества есть потенциальная возможность переселиться на Марс. Существует риск, что, в случае агрессивных попыток проникнуть внутрь, первоначальный алгоритм ковчега может измениться. Он может воспринять наши действия как враждебные с самыми непредсказуемыми последствиями.

– Вы думаете, они могут проявить агрессию? Даже понимая, насколько ценна жизнь во Вселенной? – Теон вспомнил решимость кураторов проекта уничтожить ковчег, если тот будет представлять угрозу.

– Реальная цель Фобоса и намерения марсиан нам неизвестны. Ясно одно: на орбите Марса он долго ждал контакта с цивилизацией, возникшей после марсиан в Солнечной системе, и активировался, как только он состоялся. Я не верю, что, учитывая уровень их технологий, они не могли раньше определить, что на Земле вот уже почти полмиллиарда лет создана экосистема, пригодная для жизни. Значит, они ждали появления разумных существ с достаточным уровнем развития технологии, чтобы послать обитаемую станцию к Марсу. Вопрос – зачем? Если честно, я не испытываю особого оптимизма насчет их добрых намерений. Поэтому, понимая, насколько они превосходят нас в технологиях, не хотел бы проверять, прав я или нет. Я предпочитаю действовать осторожно, пласт за пластом вскрывая новые уровни информации. Завтра в ЦУПе я изложу свою позицию: детальное изучение поверхности Фобоса, сканирование безинвазивными способами, но без попыток проникновения внутрь, хотя бы до момента, когда он закончит все фазы сброса и встанет в точку Лагранжа.

– Так мы ничего не узнаем, – грустно вздохнул Курц. – Мы даже не успели перехватить ни одну из капсул для изучения. Он закончил их сброс, даже не завершив виток, вне досягаемости нашего орбитального самолета.

– Как я уже сказал, здесь нам нужно набраться терпения. Будем методично изучать поверхность и строить станцию, – в голосе китайца послышались назидательные нотки. – А насчет капсул посева не беспокойтесь. Я не верю, что они раскроются до момента, пока Фобос прикроет Марс своим магнитным полем. Затем нужно время, чтобы начались процессы образования атмосферы и гидросферы. Как я уже говорил, они могут занять десятки лет. А раз так, то время у нас есть. Следующий буксир доставит вам спускаемый аппарат, который сможет подобрать одну из капсул, а также лабораторию и специалистов для ее изучения.

– Похоже, наша станция превращается в научный центр.

– Так и есть. План миссии будет изменен. Мы собираемся построить полноценный орбитальный комплекс, способный разместить до полусотни человек. Когда закончится тестирование китайского буксира, мы сможем организовать регулярные челночные рейсы.

– Надо придумать ей название, – предложил Теон.

– Хорошая мысль. Теперешнее ММОС – Международная марсианская орбитальная станция – не очень благозвучно. Можете предложить свои варианты.

– Ладно. Если придумаю что-нибудь стоящее, предложу, – подавив зевоту, сказал Теон. Усталость и напряжение дня понемногу брали свое. – Приятно было пообщаться, профессор. Надо поспать. Завтра будет интересный день.

За время разговора Марс уже ушел с иллюминатора. Через толстое стекло была видна редкая россыпь звезд. Курц не очень разбирался в ночном небе, но ему почему-то казалось, что вон та отблескивающая голубым сиянием яркая искра – это Земля. Почему-то вспомнилась Африка. Потрескивающий сухим хворостом костер в жаркой ночи, тревожные звуки ночного буша и шаман со своими лечебными травками. Не хотелось верить, что все это сгорит в пекле гамма-всплеска. Почему-то думалось, что людям удастся найти способ, чтобы сохранить родную планету.

Следующий день прошел в подготовке к высадке на Фобос. В грузовой отсек «Персея» помещалось два астронавта в скафандрах, несколько автоматических датчиков и блок жизнеобеспечения с дополнительными батареями, аккумуляторами экзоскелетов и кислородом. На этот раз Теон должен будет остаться на станции и вместе с Шаоци руководить действиями пары исследователей.

Точку высадки выбрали в районе, где находился «монолит», в надежде на то, что там будут еще какие-то объекты, способные возобновить контакт. Фобос вел себя мирно. Пропустил «Персея» на сто метров и позволил высадить исследователей и груз. Астронавты закрепили на грунте блок жизнеобеспечения и, подхватив приборы, направились к площадке, где совсем недавно возвышался «монолит». Изучив местность вокруг, они не нашли ничего интересного и, установив на створках, перекрывающих доступ внутрь ковчега, сенсорный датчик, решили провести сканирование находящейся под ней шахты.

Пока прибор перебирал частоты и регистрировал показания, один из астронавтов достал небольшой ручной бур, чтобы взять пробу металла, из которого сделаны створки. Как только сверхпрочное сверло коснулось поверхности, в ушах исследователей раздался тонкий писк и по центру шахты появилась яркая красная пульсирующая точка. Астронавт поднял инструмент. Точка и писк в ушах пропали.

– Они не хотят, чтобы мы сверлили, – сообщил по связи Теон, находящийся в капитанской рубке станции.

– Похоже, это так, – ответил один из астронавтов. – Думаю, надо проверить еще раз.

Не включая сверло, он снова коснулся поверхности. В ушах – опять писк уже на более высокой частоте, и снова появилась тревожно мигающая красная точка по центру створок.

– Они определенно не хотят, чтобы мы сверлили, – проговорил исследователь, убирая сверло. – Звук стал противнее, и точка – ярче.

– Лучше его не трогать, – посоветовал Теон.

– Отставить образцы, – дал команду капитан. – Обойдите створки по периметру. Внимательно осмотрите стыки. Может найдете что-то интересное. Какой-нибудь скол или стружку. Не может же такая громадина заходить внутрь шахты без зазора.

Исследователи двинулись к краю равностороннего треугольника и прошли вдоль стыка до ближайшей вершины. Там обнаружилась круглая площадка диаметром около двух метров, выступающая над поверхностью на десять сантиметров. Под тонким слоем пыли угадывались неясные очертания какой-то схемы.

– Не трогайте ничего. Дайте компьютеру проанализировать изображение, – предупредил Шаоси, наблюдавший за всем из ЦУПа. – Так. Похоже, это одна из схем, возникших перед Теоном в первые секунды контакта, когда Фобос определял уровень его знаний. Двигайтесь дальше вдоль стыка к следующей вершине. Если я прав, там будет еще одно изображение.

Через восемьдесят метров астронавты дошли вершины треугольника и обнаружили там похожую площадку с более сложным изображением.

– Здесь тоже все ясно, – прозвучал довольный голос китайца. – Это первое более сложное изображение из новой, неизвестной нам физики. Двигайтесь к последней вершине. Там должна быть формула атома воды, с которой начался контакт с Теоном.

Шаоси оказался прав. На последней вершине равностороннего треугольника оказалась площадка со схематическим изображением атома воды.

– Они определили наш уровень развития и ведут по символам, которые мы можем распознать, – сделал вывод Теон.

– Что ж, осталось это проверить. Пусть один из астронавтов встанет в центр круга, – попросил профессор.

После того как капитан отдал команду, один из исследователей подошел к платформе, осторожно постучал по ней усиленным сталью носком ботинка, потом, сделав осторожный шаг вперед, поднялся на ее край. Ничего не произошло.

– Встаньте в центр, на схему атома воды, – попросил по связи Шаоси.

Оглянувшись на товарища, астронавт сделал еще шаг. Над платформой на уровне груди возникла неяркая светящаяся точка. Исследователь пошатнулся и инстинктивно поднял руку, чтобы защитить глаза от света.

– У меня на секунду перед глазами пошли круги и цветные пятна, – доложил он.

– Возможно, это реакция на вспышку, – предположил Теон. – Хотя она намного более тусклая, чем во время моего контакта. Протяните к ней руку. И не бойтесь. Свет белый. Значит, опасности нет.

Астронавт сделал шаг вперед и дотронулся до висящего в воздухе источника света.

Точка колыхнулась из стороны в сторону и, несколько раз мигнув красным, снова встала на место.

– Что-то не так, – задумчиво проговорил китаец. – Сойдите с платформы. Пусть второй номер повторит те же действия.

Медленно, не сводя глаз с источника света, исследователь переместился назад и аккуратно сошел с платформы. Как только он ступил на грунт, светящаяся точка пропала. Второй астронавт сделал шаг вперед и поднялся на площадку. Свет в ее центре появился снова. Он подошел к источнику и протянул руку вперед. Точка, снова качнувшись несколько раз, мигнула красным. Но теперь над ней развернулось голографическое изображение.

– Вы это видите? – спросил астронавт.

– Видим, – ответил за всех капитан.

На голограмме перед темной громадой «монолита» стояла крошечная фигурка в скафандре. Вот он протянул руку и коснулся поверхности. Огромный трехгранник, вздрогнув, пошел вниз, окутав пространство вокруг себя облаком пыли. Из него, неуклюже прыгая назад, смешно балансируя, чтобы сохранить равновесие, появился человек в скафандре. «Монолит»

исчез в облаке пыли. В центре клубящейся массы появилось неясное свечение. Астронавт на картинке двинулся в его сторону и исчез в пылевом облаке. Через несколько секунд пыль резко осела. Все увидели человека в скафандре, стоящего на краю треугольной платформы, а в его центре яркую сияющую точку. Астронавт, чуть помедлив, двинулся к ней и протянул руку. На этом изображение исчезло.

– Они прокрутили кадры моего контакта, – задумчиво сказал Теон. – Но зачем? Ведь «монолита» больше нет на Фобосе.

– Номер два, что вы чувствовали, когда появилась точка? – спросил профессор.

– В глазах потемнело. Голова закружилась. Но сразу все прошло.

– Может, какой-то странный эффект во время появления источника света? – предположил капитан.

– Может и так, – задумавшись, ответил Шаоси. – А может, они сканируют мозг. А это, – он потыкал пальцем в экран, – эту картинку они выложили не просто так. Точка появилась, как в прошлый раз. Но после касания контакта не последовало. Красный сигнал означает опасность. Но он может означать и отрицание, запрет. Если это так, то они отвергли контакт с двумя астронавтами. После отрицания появилась картинка с изображением Теона. Значит...

– Значит, они ждут меня, – закончил за китайца фразу миллиардер.

– Вот завтра мы это и проверим, – хмыкнул с экрана профессор. – Если вы к этому готовы, конечно.

Исследователи больше не предпринимали попыток войти в контакт с ковчегом. Они установили у платформы один из сенсоров и вернулись к закрепленному в нескольких сотнях метров блоку жизнеобеспечения. Там орбитальная станция взяла контроль над их скафандрами, включила прыжковые двигатели и вывела астронавтов в точку, где их подобрал «Персей».

После короткого разбора астронавтов отправили в медблок, где доктор провел обследование. Основные показатели были в рамках допустимых отклонений, вызванных стрессом и пребыванием в невесомости. Шаоси очень интересовало состояние мозга исследователей после ментального контакта, но на станции не было чувствительного нейрографа, чтобы произвести нужные измерения.

Вечером после ужина у Теона с китайцем состоялся еще один разговор.

– Как ощущения перед контактом? – поинтересовался тот.

– Не знаю, – прислушавшись к себе, ответил миллиардер. – Страшновато немного. Ведь они хотят именно меня.

– Страх в этом случае нормальная реакция. Со времен каменного века человек постоянно сталкивался с явлениями, которые он не может понять и объяснить. Правда, тогда это были стихии вроде огня или грозы. А теперь вот инопланетный корабль. Тут есть чего опасаться. Неизвестность всегда пугает.

– Почему им нужен именно я?

– Может, потому что вы первый вступили в контакт. А может, потому что психотип астронавтов им не понравился. Это если я прав, и они действительно сканировали мозг. В любом случае завтра мы сделаем как минимум еще один шаг к пониманию. Похоже, они используют ту же систему символов, что и мы.

– Вы о чем?

– О красном свете. Помните, когда исследователи попытались сверлить створки. Там в центре треугольника возникло красное свечение. Для всех людей красный цвет означает опасность или запрет. Этот код ассоциируется с огнем, пожарами и извержениями, а еще с кровью, а значит с болью и смертью. Он к нам перешел с древних времен и, судя по всему, закреплен чуть ли не на генетическом уровне. Если у них похожие символы, значит есть шанс, что мы близки как минимум в оценках опасности. А это уже кое-что. Похожая среда для развития

жизни, похожие символы. Мы на правильном пути, коллега. Завтра будет интересный день. Я горжусь, что работаю с первым человеком, вступившим в контакт с aliens⁵.

– Вам хорошо гордиться там, на Земле. Вы сейчас спокойно пойдете ужинать, а мне завтра общаться с ковчегом.

– Эх... Как бы я хотел быть на вашем месте, – с сожалением вздохнул китаец. – Но я по природе труслив и изнежен городской жизнью. К тому же во мне нет и десятой доли авантюризма и жажды приключений, как в вас. Поэтому в историю человечества как первый контактер войдете именно вы, а обо мне никто даже не вспомнит.

– Ладно. Я пошутил, – Теон вдруг почувствовал себя виноватым. – Если бы не вы, то эта миссия, наверно, и не случилась бы.

– Хватит о грустном. Вам надо отдохнуть. Завтра полный осмотр у медика – и вперед к славе первопроходца.

После разговора осталось неприятное ощущение, как перед первым прыжком с парашютом. Вроде знаешь, что делать, и уверен в оборудовании, вроде уверен в себе, но все равно где-то внутри свербит червячок сомнения: а что, если что-то пойдет не так.

Весь остаток дня Теон провел с капитаном и своим вторым номером, астронавтом, который будет его сопровождать. Проработали алгоритм подхода, отхода, подготовили дополнительную стационарную камеру для записи изображения. С Шаоци обсудили список вопросов и «тем для обсуждения», если предоставится шанс пообщаться с ковчегом. В общем, подготовились к контакту максимально серьезно.

На следующее утро, пока пилоты выводили «Персей» к шлюзу, доктор провел быстрый медосмотр, проверил встроенный в скафандр медицинский модуль и дал добро на выход. Около часа заняло облачение в скафандр и проверка его систем. Затем Теон с напарником через шлюз вышли в открытый космос. Там их по очереди подхватил манипулятор орбитального самолета и разместил в специальные секции транспортного отсека орбитального самолета.

Минут через двадцать подлета, маневрирования и спуска ботинки экзоскелетов исследователей мягко коснулись поверхности Фобоса в районе блока жизнеобеспечения, оставленного прошлой двойкой астронавтов.

Прежде чем двинуться к шахте «монолита», Теон прислушался к своим ощущениям. Изучил физиологические показатели, неяркой строкой идущие снизу по стеклу интерактивного шлема. Ничего необычного. Только от волнения пульс чуть учащен и немного повысилось давление. Сделав несколько глубоких вдохов, он доложил о готовности, махнул рукой напарнику и двинулся по направлению к платформе, на которой вчера случилась неудачная попытка контакта.

За прошедшие сутки ничего не изменилось. Даже можно было отчетливо различить следы астронавтов от края двухметровой окружности до ее центра.

Еще раз доложили о готовности. Получили со станции ответ, что датчики скафандра и установленного рядом сенсора не фиксируют никаких отклонений от стандартных параметров.

Внутренне собравшись, Курц сделал шаг на платформу. Как только нога коснулась поверхности, в центре окружности как раз над схематическим изображением атома воды появился источник – неяркая точка, излучающая ровный белый свет. Он словно ждал приглашенного гостя.

Оглянувшись на напарника и на висящий в километре «Персей», Теон двинулся вперед. Остановился у цели, на секунду замер и спросил:

– Что с сенсорами?

– Ничего, – ответили со станции. – Никаких изменений в десятке показателей. Мы не можем определить природу свечения.

⁵ *англ. aliens – инопланетяне.*

– Ладно, – качнул головой миллиардер. – Тогда приступим.

Он медленно протянул руку к точке. В глазах на секунду быстрой волной мелькнули какие-то странные разноцветные символы. Даже показалось, что это активировалась голограмма, но ничего не произошло. Вместо этого источник пропал.

– Что случилось? – спросил наблюдавший с Земли Шаоси.

– Не знаю, – начал было Теон, но вдруг почувствовал странный толчок и понял, что платформа медленно идет вниз. – Эй-эй. Твою мать! Я опускаюсь! – он попытался сделать шаг к краю, но не смог оторвать ботинок от поверхности. – Я не могу двигаться! Меня эта хрень тянет вниз. Сделайте что-нибудь!

– Беру контроль над экзо, – раздался голос капитана. – Системы в норме, но что-то держит ботинки. Увеличиваю мощность. Ничего не получается. Подошвы как будто приклеены к поверхности.

– Твою мать! Какого хрена они творят? – запаниковал миллиардер.

– Включаю прыжковые двигатели, – сообщил капитан.

Теон почувствовал легкий толчок в спину, когда сзади запустились двигатели, потом его повело вперед от того, что тяга вверх не нашла выхода. Экзоскелет быстро выровнял положение, и двигатели заглохли.

– Теон! Не предпринимайте... – услышал он встревоженный голос профессора, но в этот момент платформа резко провалилась вниз и связь пропала.

Торможение было плавным, но чувствительным, как в плохо отрегулированном скоростном лифте. Курц почувствовал, как подогнулись колени, в тело впились внутренние фиксирующие стяжки скафандра, так что он на секунду буквально повис на них. Затем платформа остановилась и перед ним снова возникла светящаяся точка.

– Станция, это первый номер! На связь, – проговорил Теон, не отводя взгляда от источника. – Станция, это Теон. Как слышите?

Не дождавшись ответа, он посмотрел вверх. Темнота. Даже если выход шахты, в которую ушла платформа, и остался открытым, он не смог бы его различить на фоне черного марсианского неба.

– Твою мать. Мы так не договаривались, – тихо выругался миллиардер, пристально глядя на висящий на уровне груди источник света, словно стараясь разобрать, что находится внутри. – И что мне теперь делать?

Сделав несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться, Теон быстро скользнул взглядом по строке сканера внешних факторов на стекле шлема. Все было в пределах нормы для Фобоса. Датчик угроз светился ровным зеленым светом. Значит, теоретически опасности не было. Но это теоретически. Включил встроенный в шлем блок фонарей, отвел взгляд от светящейся точки в сторону и понял, что не видит стен шахты. Попробовал оторвать ногу от платформы. Получилось. Сила, удерживающая его на одном месте, исчезла. Сделал шаг назад от точки. Потом еще один к краю окружности. Ничто не мешало движению. Прежде чем возобновить контакт с источником света, решил осмотреть помещение, в котором находится. Медленно обернулся и замер в оцепенении. Луч мощного фонаря уходил вниз и терялся в темноте. Платформа, на которой он стоял, висела в пустоте, удерживаемая неизвестными силами.

– Вот, блин, нашел на свою задницу приключения, – пробормотал Курц и, вспомнив, что в скафандре работает регистратор, добавил: – Так. Это Теон. То есть первый номер третьей высадки на ковчег. Вернее, Фобос. Ну, вы поймете, если услышите эту запись. После контакта с источником света я вместе с платформой провалился в шахту. Глубина неизвестна. Судя по скорости и времени спуска, этажей сто, может, больше. Сейчас платформа висит в пустоте. Похоже на пещеру. Размеры неизвестны. Посередине платформы горит точка, – он повернулся шлемом к источнику света, хотя круговые камеры итак все записывали. – Я сейчас проскани-

рую пространство в доступных режимах, потом попытаюсь войти с ними в контакт. Если не получится, тогда хрен знает, что делать.

Сканирование в инфракрасном и ультрафиолетовом режиме ничего не дало. Датчики выводили на экран ровный однотонный фон. Тяжело вздохнув, Курц вернулся к точке и задумчиво на нее уставился.

– Ну что ж, марсиане, выкладывайте, что у вас на уме, – хмыкнул он, представив себя со стороны – беспомощный муравей на крошечной платформе, висящей в черном чреве гигантского инопланетного корабля.

Собравшись с духом, миллиардер протянул руку к источнику света. Точка внезапно увеличилась в размерах, заполнив собой все окружающее пространство. Он оказался в потоке яркого света. Инстинктивно зажмурился и понял, что этот свет не режет глаза. Медленно оглянулся в надежде увидеть стены пещеры, но вокруг не было ничего, кроме почти физически осязаемого света. Теон как будто находился в сделанной из фотонов жидкости. Странное ощущение. Чувство страха пропало. Паника сменилась знанием того, что угрозы нет и все закончится хорошо. Затем на секунду закружилась голова, как в детстве, когда он кружился с отцом, а потом резко останавливался. На голове по корешкам волос прошли легкие покалывания. Ощущения были знакомыми. Так впиваются в кожу тончайшие электроды от передового нейрошлема, разработанного одной из его компаний для считывания информации с имплантированного в мозг нейрочипа. Тряхнул головой. Странные покалывания пропали. Головокружение прошло. Окружавший его свет снова схлопнулся в точку.

– Твою ж мать. Нихрена непонятно, – в замешательстве пробормотал миллиардер.

– Извините. Первый контакт очень сложный, – раздался в голове мягкий мужской голос. – Мне нужно было изучить массу параметров – язык, символы, ассоциации. Я еще некоторое время буду э... подвисать. Но вы не обращайтесь внимания. Мы можем начинать общение

– Херасе. Ты кто? – Теон ошарашенно оглянулся по сторонам.

– Я – то, что вы называете Фобос. Или... ковчег.

– Ты у меня в голове?

– В голове? – эхом повторил голос.

– Ну, в смысле, в моих мозгах. В мыслях. Типа телепатический контакт.

– Это... Похоже на телепатический контакт. Я напрямую взаимодействую с синаптическим полем вашего мозга. Если хотите, я приму более привычный для вас образ.

Источник света исчез. На его месте образовался невысокий робот из блестящего желтого металла со смешными, похожими на блюдца глазами.

– Привет. Я С-ЗРО⁶ – универсальный робот-переводчик, – он смешно потоптался на месте и неловким угловатым движением протянул руку для знакомства.

Удивленный появлением этого комичного персонажа, Теон ее пожал. Даже через перчатку скафандра чувствовалась жесткость металла и немного неестественная форма ладони андроида.

– Ага. Понятно. Это иллюзия, – ему вдруг стало интересно. – Но откуда ты взял этот образ. И почему именно этот?

– Этот простой механизм в вашем... сознании добрый, наивный и неспособный причинить зла. Я его взял из... вашей головы.

– То есть ты полностью контролируешь мою память и мой мозг? – насторожился Курц.

– Да. У меня есть такая возможность. Это одна из моих базовых функций, заложенная Создателями.

– То есть ты можешь вызвать любую иллюзию?

⁶ С-ЗРО – робот-переводчик. Персонаж из серии фильмов «Звездные войны».

– Да. Но мне бы не хотелось, чтобы она была агрессивна, – из-за робота показалась и тут же исчезла сочащаяся слюной продолговатая голова «чужого» – ужасного ксеноморфа из голливудского космического боевика. Это видение было настолько реалистичным, что Теон невольно сделал шаг назад. – Вот видите, – развел руками робот, – форма... собеседника очень много значит. И... обстановка тоже. Я, кажется, знаю, где вам будет более... комфортно.

Мир вокруг схлопнулся и развернулся снова. Теперь Теон сидел на горячем песке. Перед ним, потрескивая углями, догорал небольшой костер, на котором неспешно курился легким дымком старый, затертый медный чайник. Вокруг простиралась ночная саванна. В окружающем поляну буше размеренно стрекотали цикады и шелестел листвой какой-то мелкий зверек. Далеко, на пределе слуха таякали и поскуливали гиены. Иногда слышался тревожный крик ночной птицы. Вверху над костром раскинулось пронзительно чистое африканское ночное небо, которое разрезала густая россыпь звезд Млечного Пути. Все было настолько реалистичным, что Курц набрал горсть песка и медленно, тонкой струйкой высыпал перед собой.

– Ты можешь контролировать мое сознание, – тихо проговорил он. – Ты можешь контролировать мой мозг. Значит, ты можешь полностью контролировать меня.

– Да, это так, – раздался в стороне знакомый чуть хрипловатый голос. – Эта функция заложена моими Создателями.

Теон повернулся на звук и увидел, что рядом, опираясь на длинный узловатый посох, стоит его старый знакомый шаман. Тот самый шаман, с которым он несколько месяцев назад сидел у костра на базе егерей в своем заповеднике в Ботсване. На нем была та же выцветшая от солнца, застиранная военная форма светло-оливкового цвета. Затертая кожаная сумка на плече. На шее болталось ожерелье из перьев грифа и зубов льва. А с пояса свисали и несколько маленьких фляжек из сушеной тыквы, в которых местный колдун носил свои запретные снадобы. Но главное – взгляд был тот же, немного отрешенный, грустный и усталый.

Дав себя осмотреть, шаман подошел к костру и уселся напротив. Подобрал с песка несколько прутьев хвороста, не спеша их поломал и бросил в огонь. В небо поднялся сноп искр. Лениво гулявшие по углям языки пламени подхватили свежую порцию пищи, и костер вспыхнул с новой силой, осветив исполосованное короткими ритуальными шрамами, черное, как африканская ночь, лицо шамана.

– Охренеть, – восхищенно выдохнул Курц. Мир вокруг него был реален. Запахи, звуки, ощущения, осознание себя – все было, как в прошлый раз. – Хорошая функция. Сейчас бы еще стаканчик виски со льдом, чтобы снять стресс.

– Пожалуйста, – чуть кивнул головой шаман.

Из кустов со стороны базы появился один из егерей. В его руках выструганный из цельной доски узкий поднос. На нем глубокая глиняная тарелка тушеного мяса, несколько местных лепешек и бутылка виски.

– Извините, что поздно, босс, – он поставил поднос на песок рядом с миллиардером. Хозяйка долго возилась с мясом. Вы, если что, дайте знать по рации. И осторожнее с этим,

– он бросил недовольный взгляд на шамана. – Знаю я его травки. Вы прошлый раз после них все утро в холодной ванне отмокали.

– А мне нравится такая функция, – глядя вслед исчезнувшему в темноте бушмену, Теон отломил край лепешки, ловко подхватил им кусок мяса из миски, отправил себе в рот и с наслаждением облизнул пальцы. – М-м-м... Великолепно приготовлено. Это тоже есть в моей голове?

– Да. Я знаю все, что знаете вы. Даже... то, что забыли. Все, что вы когда-то видели, слышали и ощущали, известно мне.

– Неприятно как-то осознать, что тебя может контролировать посторонний, пусть даже такой крутой инопланетный разум. Но выбора у меня нет, – вздохнул миллиардер, взял бутылку

виски, налил себе полстакана. Понюхал и, сделав осторожный глоток, довольно покивал головой. – Великолепно. Еще бы пару кубиков льда.

– Сколько угодно.

– Скажи, я могу избавиться от твоего контроля, – в голове у Теона начал складываться план разговора.

– Нет, – качнул головой шаман. – Эта функция автоматическая. Она существует для того, чтобы объединять Создателей в единую сеть и увеличивать их мыслительный... потенциал.

– Ну к Создателям мы еще вернемся. Интересно, на каком расстоянии ты можешь контролировать мой мозг. Почему ты не сделал этого, когда я был на поверхности.

– Полный контроль может осуществляться только внутри Фобоса. Это обусловлено несовершенной физиологией человеческого мозга, структурой вашего сознания, которое требует дополнительной обработки... сигнала и системы усилителей. На поверхность я могу транслировать только некоторые простые символы и послы.

– Это уже лучше. То есть, если я выйду на поверхность, ты потеряешь контроль?

– Да.

– Ты можешь дотянуться до нашей станции?

– Нет. Она слишком далеко. Сейчас вне пределов моей досягаемости.

– Ты отпустишь меня?

– Да. Я получил от вас все, что мне нужно, на первом этапе.

– А что тебе было нужно на первом этапе? – Теон сделал глоток виски, в котором медленно растворялись несколько кубиков льда.

– Базовая информация о вас и вашей цивилизации. Оценка вашего потенциала для выполнения миссии, определенной Творцом.

– Так. У нас появился новый персонаж. К Создателям добавился Творец, – Курц поскреб подбородок, прикидывая, как в искусственные мозги забралась религиозная компонента.

– Творец к... религии не имеет никакого отношения, – прочитал его мысли шаман. – Он реален так же, как вы и я.

– Это интересно слышать, находясь в иллюзии, – хмыкнул миллиардер. – Ваш Творец наверняка всесильный, всемогущий, как бог.

– Он сотворил Создателей. Он могущественный. Наверно, как бог.

– Что и требовалось доказать. Та-а-к. Становится все интереснее. Скажи, какую миссию определил для вас Творец.

– Возрождение Марса, – шаман взял довольно толстую сухую ветку, без видимых усилий переломил ее пополам и бросил в костер.

– Понятно, – Курц отпил виски, прислушался к себе и, поняв, что напиток оказывает положенный ему эффект, налил еще полстакана. – А как вы видите возрождение Марса?

– Восстановление уничтоженной катаклизмом экосистемы.

– О каком катаклизме вы говорите?

– Три миллиарда лет назад между... Марсом и Юпитером находилась еще одна планета. Вы называете ее Фаэтон. По... невероятному стечению обстоятельств эта планета была уничтожена блуждающей квантовой черной дырой. Ее осколки образовали пояс астероидов. Часть осколков выпала на Марс и практически уничтожила существовавшую тогда экосистему. Но даже в этих условиях Создатели бы выжили. Однако... Квантовая черная дыра прошла совсем рядом с Марсом в противофазе к вектору вращения его ядра. Ядро начало замедляться, процессы внутри планеты – утихать. Ее внутренние структуры стали остывать. Из-за этого прекратился процесс... генерации магнитного поля. Дальше вы все знаете. Солнечный ветер сдул атмосферу. Жесткое космическое излучение уничтожило почти все живое.

– Печальная история. Но ведь Создатели смогли построить ковчег. Почему его сразу не разместили в точку Лагранжа, чтобы накрыть Марс магнитным полем? – поинтересовался Теон.

– Катаклизм произошел очень быстро. Разрушение экосистемы прошло в течение нескольких поколений. В это время все силы были брошены на создания ковчега. Но Создатели... не успели. Последние циклы строительства велись уже здесь, на орбите. К этому времени жизни на планете почти не осталось. Затем закончились ресурсы для поддержания жизни Создателей и контроль над ковчегом был передан мне. Вместе с ним ко мне перешла и миссия, обозначенная Творцом. Без Создателей, даже при благоприятных условиях, терраформирование Марса и посев не имели смысла.

– Расскажи о своей природе. Ты ведь искусственный интеллект? На каких принципах ты работаешь?

– Скорее, синтетический разум. Я такой же естественный, как и ваш биологический разум. Принципы моей работы вам будут непонятны. Они лежат вне привычной вам физики. Я даже определения подобрать не могу.

– Жаль, – вздохнул Теон. – А какие они были, твои Создатели.

– Они были чем-то похожи на вас. Не внешне. Но тем, как думали, действовали, чувствовали, жили.

– Можешь мне их показать?

– Пока не время. Судя по вашей реакции на «чужого», излишне негативный эмоциональный фон может навредить нашему общению.

– Хм... – Теон поскреб подбородок. – Неужели при развитии таких технологий у них не было возможности сохраниться до того момента, когда Марс будет восстановлен.

– Нет. Ковчег мог поддерживать жизнь создателей в... пассивной форме тысячи, десятки тысяч лет, но не миллиарды. Если вас интересует, в моем распоряжении имеется вся информация и технологии, нужные для возрождения их вида. Хотя сейчас, когда появились вы, в этом нет необходимости.

– Да? – удивленно поднял брови миллиардер. Алкоголь начал оказывать свое расслабляющее действие, и теперь он относился к разговору легко и даже с юмором.

– Да, – вполне серьезно ответил шаман.

– И какая нам отведена роль?

– Вы можете... стать новыми Создателями.

– Ага. Ты сказал «можете». Значит, у нас есть выбор?

– Есть, – шаман поднял глаза, и в них неясным светом отразились языки пламени костра. – Примерно через сто восемьдесят лет часть Солнечной системы, где находится Земля, накроет... гамма-всплеск от сверхновой. С большой вероятностью почти все сложные организмы и до половины простейших будут уничтожены. Химический состав атмосферы изменится. Значительная часть воды испарится. Планету накроет толстый слой облаков, которые на столетия обеспечат устойчивый парниковый эффект. На протяжении этого времени влага будет выпадать в виде ливней, меняя ландшафт суши и смывая в возрождающиеся океаны плодородный слой. Экосистема планеты вернется в состояние, в котором она находилась полтора миллиарда лет назад. Некоторые люди смогут выжить в подземных убежищах. Но цивилизация будет разрушена.

– 180 лет – большой срок. За это время ученые могут найти способ защитить наш мир, – Теон взглянул в глаза собеседника, словно пытаясь понять скрытый смысл его слов.

– Этот шанс стремится к нулю. Вы находитесь в самом начале технологического прогресса. За следующие несколько поколений вы сделаете много фундаментальных открытий. Возможно... некоторые из них вы сумеете конвертировать в технологии. Но за этот период вы не откроете ничего, что могло бы устранить или хотя бы уменьшить разрушительную силу

гамма-всплеска. Это явление галактического масштаба. Чтобы его остановить, нужны знания, которые не будут вам доступны еще много сотен лет. Выбор у вас простой: смириться с уничтожением человечества или с моей помощью освоить Марс. Во втором варианте вы сохраните свою цивилизацию и с большой вероятностью свою планету.

– Ее же выжжет гамма-всплеск?

– Приняв мое... предложение, вы станете Создателями и получите доступ к новым технологиям, открывающим фантастические возможности в развитии, о которых вы на своем уровне даже не догадываетесь. Одна из них может спасти Землю от гамма-всплеска. В этом я вам помогу.

– Хм... – Теон задумчиво помял подбородок и долго смотрел на языки пламени. – Ты предлагаешь нам сделку. Жизнь человечества в обмен на возрождение Марса.

– Сделку? – миллиардеру показалось, что он уловил нотки иронии. – Нет. Я бы, скорее, назвал это соглашением. Как... в дипломатии. Вы помогаете мне выполнить мою миссию и восстановить Марс. Я помогаю вам в развитии и спасаю Землю от катастрофы.

– Но зачем Марсу мы. У тебя ведь наверняка есть технологии, способные возродить Создателей.

– Такие технологии есть. Но возвращение к жизни Создателей до их оптимальной популяции займет тысячелетия. Зачем ждать, если уже имеется готовый вариант.

– Действительно, зачем, – Теон взял палку и пошевелил костер. В ночное небо взметнулся сноп искр и растворился среди звезд. Он задумчиво проследил за тем, как в темноте тают последние крупинки огня. – Предлагаемое тобой соглашение явно выгодно человечеству. Но для того чтобы оно сработало, нужно, чтобы стороны доверяли друг другу. Ты, наверно, знаешь, что у нас некоторые трактуют дипломатию как искусство обмана.

– Я готов выслушать ваши предложения, – в глазах шамана снова сверкнули отблески костра. – Хотя нет. Я уже сейчас могу предложить решение одной лавинообразно нарастающей проблемы. Это убедит вас в моих добрых намерениях по отношению к человеку.

– Ты сейчас о чем?

– Если верить информации в вашей памяти, в результате неконтролируемой техногенной активности вы нарушили тепловой баланс атмосферы Земли. Типичная ошибка... молодых цивилизаций. Создатели тоже ее чуть было не совершили, но Творец вовремя подсказал нужное решение. Теперь вы ожидаете нарастающих негативных климатических изменений, которые серьезно осложнят вам жизнь и создадут риски в развитии. Я могу помочь вам решить эту проблему. Для этого вашего уровня технологий достаточно, как и доступных ресурсов.

– Спасибо, – пожал плечами Теон. – Я не специалист по климату. И вообще, ты, наверно, понимаешь, что такие решения могут быть приняты только правительствами на Земле.

– Понимаю. Я готов ждать.

Мир вокруг Теона схлопнулся и развернулся снова. Он стоял посреди висящей в пустоте платформы, глядя на светящуюся точку. Контакт был окончен.

– Почему ты выбрал меня, – вслух спросил миллиардер.

– Те двое не подошли, – прозвучал в его голове ответ. – Они солдаты. Мыслят в рамках... жестких парадигм. А вы творец, изобретатель, инноватор, открытый к новым идеям. На первом этапе со мной будете общаться только вы. До встречи.

Источник света перед Теоном исчез. Платформа, набирая скорость, пошла вверх. Через несколько секунд сверху ударил луч мощного фонаря и в наушниках зазвучали тревожные обрывки голоса.

– Блин, что за хрень! Он появился снова.

– Теон давай руку. Подними руки вверх.

– Подожди. Платформа выходит на поверхность.

– Может попробовать еще раз прыжковые двигатели?

– Теон, на связь!

– На связи, – чуть кашлянув, ответил Курц, видя, как в поле его зрения появляется второй номер, стоящий на коленях у шахты. – Только фонарь выруби. Глаза слепит даже через фильтр.

– Слава богу, – послышался голос капитана. – Я уже думал, вы провалились в преисподнюю.

– Снимите физпараметры, – приказал с Земли Шаоси.

– Вроде в норме все, – ответил со станции док.

Платформа с глухим стуком стала на прежнее место. Теон осторожно поднял одну ногу, затем вторую. Медленно развернулся на месте в сторону напарника и сошел на грунт.

– Мы охренеть как перепугались все, – взволнованно сообщил тот. – Платформа пошла вниз. Ботинки твои как будто прилипли. Экзо не работает. Прыжковые тоже. Думали, ну все. А тут раз – и ты через пару секунд снова на поверхности.

– Как через пару? – удивленно уставился на него миллиардер.

– Ну может не через пару, может секунд пятнадцать прошло.

– Херасе. А мне показалась, что я там провел несколько часов.

– Отставить разговоры, – скомандовал капитан. – Вся информация о контакте закрыта. Выход закончен. Двигайтесь к точке эвакуации. Там я приму контроль над скафандрами.

* * *

На борту станции Теон и второй номер прошли через дезинфекционный шлюз. Потом им помогли выбраться из громоздких, совмещенных с экзоскелетами скафандров и сразу направили в медблок. Там док в костюме биозащиты провел быстрое обследование, взял анализ крови и поместил контактеров в одну из секций, которую еще вчера спешно оборудовали под карантин. Впрочем, в карантине скучать не пришлось. Земля требовала отчета. Теона снабдили шлемом виртуальной реальности, чтобы разговор не слышал напарник, и подключили к защищенной линии связи.

– Давайте, коллега, рассказывайте, что у вас произошло, – в голосе Шаоси явно чувствовалось нетерпение. – Ваша последняя фраза на регистраторе перед возвращением на поверхность «почему ты выбрал меня» очень настораживает, как и тот факт, что, по-вашему, вы провели внутри несколько часов, хотя на поверхности прошло меньше минуты. У вас состоялся контакт?

– Похоже на то. А еще вполне возможно, что это была сложная и очень реалистичная иллюзия, наведенная на мое сознание.

В течение следующего часа Теон в деталях рассказывал о своем разговоре с Фобосом. Китаец слушал внимательно. Иногда задавал уточняющие вопросы. В конце задумчиво покачал головой и пробормотал:

– Да уж. Ситуация. Не думал, что первый контакт с инопланетянами выведет нас на сделку.

– Соглашение, – поправил его Курц.

– Называйте, как хотите. Если все это не плод вашей фантазии или телепатического внушения. Он просит нас об услуге и готов оказать услугу взамен. Только вот тут намешано столько всего, что сразу и не разобраться. Вы пока посидите в карантине. Мы на Земле проверим частицы вашего скафандра и анализы. Кто знает, какую заразу вы могли принести. А я поговорю с кураторами. Те в свою очередь доложат наверх. А там пусть наши лидеры решают.

Такое развитие событий было вполне предсказуемо, поэтому Теон со вторым номером были готовы к изоляции. Хотя, конечно, хотелось, чтобы она была недолгой.

Земля. Китай. Центр управления миссией

Решение разместить Центр управления миссией на базе Пекинского центра аэрокосмического командования и контроля лидеры трех стран приняли по двум причинам. Нормальное функционирование НАСА было нарушено падением астероида, а ЦУП Роскосмоса значительно уступал по оснащению и инфраструктуре. Поэтому предложение кураторов по Пекину возражений не встретило.

Под Центр китайцы выделили отдельный блок зданий с операционным залом, примыкающей офисной секцией, собственным цифровым центром и несколькими вспомогательными зданиями. В общем, инфраструктура соответствовала масштабу задач и подчеркивала исключительную важность марсианского проекта.

Руководство миссии состояло из трех директоров, осуществлявших непосредственное управление, и трех кураторов, обеспечивавших связь с лидерами Китая, США и России. По одному от каждой страны. Состав Центра был собран из специалистов трех стран. Несмотря на различие во взглядах и некоторые языковые трудности, персонал за время полета «Зевса» к Марсу неплохо сработался и теперь функционировал как единый организм.

После разговора с Теоном Шаоши отослал двум оставшимся директорам его записку и сел за составление справки для своего куратора, члена Центрального Комитета компартии Китая, отвечающего за науку.

Ситуация складывалась непростая. Несмотря на то что три самые мощные нации планеты готовились к полету на Марс, зная, что Фобос является творением внеземной цивилизации, при непосредственном контакте выяснилось, что земляне к нему совершенно не готовы. Ни у ЦУПа, ни у кураторов, ни у правительств не было не только плана действий, но даже и общих мыслей о том, в каком направлении развивать «отношения». Первая киношная фраза «Здравствуйте, братья по разуму. Мы земляне. Мы пришли с миром», по сути, была уже сказана. Что делать дальше, никто не знал.

Возможности Фобоса пугали, но и открывали захватывающие перспективы. Если предположить, что все, что рассказал Курц, правда и у него действительно состоялся ментальный контакт с инопланетным разумом, который называл себя Фобос, то выбор у человечества был весьма ограничен – принять предложенные условия или рисковать гибелью цивилизации от гамма-всплеска в отдаленном будущем. Но и в этой сделке тоже существовали свои риски.

Первым и главным из них был тот факт, что Фобос находился на значительно более высоком уровне развития. Его технологии контроля и манипуляции сознанием поражали и пугали одновременно. Та легкость, с которой он мог проникать в мозг человека, изначально давала ему огромное преимущество, даже, можно сказать, превосходство. Дружелюбие, проявленное во время первого контакта, и заявления Фобоса о том, что его способности ограничиваются внутренностями ковчега, надо было принимать очень осторожно, как и то, что его ментальные свойства существуют для того, чтобы соединить в одно целое сознания неких Создателей для увеличения их эффективности. Его реальных возможностей никто не знал, и даже предположить их сейчас было очень сложно.

Второй риск Шаоши видел в мотивах сделки. Фобос заявлял о том, что его миссия – возродить Марс. Эта цель заложена в него таинственным Творцом. Для ее исполнения нужны Создатели, место которых он предлагает занять человечеству. Вроде бы логично. С цивилизацией, подобной человечеству, освоить Марс искусственному разуму, висящему на орбите, будет гораздо легче. Хотя религиозный элемент в виде Творца здесь явно выпадает из общей картины. Но кто знает, какие были предыдущие Создатели. Возможно, религия являлась основой их общества.

Шаоси поймал себя на мысли о том, что назвал марсиан «предыдущими Создателями». Такая формулировка предполагала, что будут следующие, а на эти «следующие» имелся пока только один кандидат. Он нахмурился, понимая, в каком направлении движется его логика, несмотря на очевидные риски.

Дальше о мотивах и целях. Зачем Фобосу Создатели? Ведь можно просто провести посев, встать в точку Лагранжа, прикрыть Марс своим магнитным полем и наблюдать, как там восстанавливается экосистема. Для этого не нужны Создатели. Можно было бы понять, если бы он хотел возродить погибшую три миллиарда лет назад цивилизацию марсиан. Но нет. Ему была не нужна прежняя раса потому, что рост ее популяции займет слишком много времени. Лучше взять готовых землян. Их уже имеется достаточное количество. Зачем на возрожденном Марсе нужно большое количество Создателей? Причем неважно, какой расы, марсианской или земной. Этот вопрос пока тоже оставался без ответа.

Получается слишком много неизвестных, и каждая из них способна при стечении определенных факторов превратиться в реальную катастрофу.

Что из плюсов сделки? Новые заоблачные технологии, открывающие фантастические перспективы. Возможность в будущем избежать гамма-всплеска и сохранить планету. Ну и освоение Марса и ближних планет Солнечной системы. Достаточно ли этого, чтобы перевесить риски? Ответ на это должны дать лидеры стран-участниц проекта. А пока... Пока пусть Фобос на деле продемонстрирует свою добрую волю: поделится с землянами технологиями, способными остановить глобальное потепление.

Да. С этого, наверно, и надо начинать. Нужно держать контакт с инопланетным разумом, пока не прояснятся ключевые вопросы. Оставить Фобос просто так болтаться на орбите Марса нельзя. Неизвестно, как он оттуда может повлиять на Землю. Значит, надо будет разматывать эту ситуацию постепенно, стараясь получить максимально возможный доступ к новым технологиям и при этом модерировать риски. На определенном этапе можно попытаться взять под контроль или хотя бы привлечь на свою сторону искусственный разум Фобоса. Сложная задача, долгосрочная, но в случае успеха открывающая фантастические перспективы.

Закончив рекомендацию, Шаоси перечитал ее еще раз и отправил куратору, скопировав двум другим директорам. У них могут быть иные мнения, но свое он уже сформировал.

Мнения директоров миссии из России и США действительно отличались.

Русские оценивали риски попасть под контроль инопланетного разума как критические и предлагали немедленно уничтожить Фобос в надежде на то, что через 180 лет человечество самостоятельно найдет способ защититься от гамма-всплеска. По их мнению, идея создания магнитного щита в марсианской точке Лагранжа могла быть осуществима имеющимися на земле ресурсами. Теоретически там можно разместить систему мощных электромагнитов, похожих на те, что используются на коллайдерах. Если расчеты такой установки подтвердятся, то человек может начать терраформирование Марса без помощи Фобоса и через 150 лет получит условно пригодную для заселения планету.

Американцы мыслили в схожем направлении. Правда, перед уничтожением Фобоса они предлагали симитировать готовность к сделке и получить от него технологию, способную остановить глобальное потепление.

Рекомендации директоров были направлены кураторам, которые после короткого совещания пришли к компромиссу. Основной целью миссии является получение от Фобоса новых технологий, при этом минимизируя последствия ментального контроля со стороны инопланетного разума. Если для этого участникам миссии на определенном этапе нужно будет сыграть роль новых Создателей, то так тому и быть. С этого момента миссия получила название «Рассвет». Для ее развертывания будет построена марсианская одноименная орбитальная станция. Ее заселят несколькими сменами добровольцев, которые по прибытии на Землю будут находиться на жестком карантине до следующей смены. Для этого придется построить отдельный,

полностью автономный городок. Такой карантин будет продолжаться, пока не выяснятся параметры ментального контроля Фобоса и не будет ликвидирован риск заражения людей инопланетной биологией. Помимо исследований на станции будет секретная боевая секция, полностью автоматизированная и управляемая с Земли, чтобы искусственный разум о ней не узнал через контакты с астронавтами. Боевые возможности станции будут применены в случае угрозы со стороны Фобоса. Список этих угроз предстояло еще формализовать.

В целом Шаоси был доволен таким решением. Оно предоставляло шанс продолжить контакты и одновременно вводило силовую компоненту, способную уничтожить Фобос. Теперь нужно было выработать последовательность ближайших действий.

Из-за смены цели миссии пришлось корректировать полетные планы. На орбите Земли был уже собран «Зевс-2». Еще один комплект космического буксира «Зевс-3» находился на космодромах в Китае и России, готовый к отправке на орбиту для сборки. Доставивший астронавтов на орбиту Марса «Зевс» был в трех неделях пути. Ему понадобится месяц на обслуживание, после этого он будет готов снова отправиться к Красной планете. Получалось, что в течение шести недель к Марсу можно будет отправить один корабль. Через три месяца после ходовых испытаний – еще один. К этому времени окно сближения Земли и Марса, во время которого пуски имеют смысл, закроется. Планеты разойдутся по орбитам, и следующего удобного для пуска периода придется ждать полтора года.

Во время следующего полугодового цикла сближения планет все три буксира будут готовы и полеты на Марс станут регулярными с периодичностью один корабль в месяц. К этому времени должен быть готов общий план станции, набраны люди и изготовлены первые модули и куча всякого оборудования. Работы на Земле будет много. А пока главные события будут развиваться на орбите Марса и ключевым действующим лицом в них будет Теон. Ведь именно с ним решил на первом этапе контактировать Фобос.

Орбита Марса

Теон с напарником пробыл в карантине чуть больше суток. За это время Земля проанализировала частицы с их скафандров и, не найдя ничего опасного, разрешила свободный доступ во все секции станции. Анализы тоже оказались в порядке. Доктор даже пошутил, что УЗИ показало, что эмбрион «чужого» внутри еще не начал развиваться, а значит свободный исследователь может свободно общаться с экипажем.

Пока Курц находился в карантине, для него подготовили крошечный, но все же отдельный, изолированный от всех «офис», из которого он теперь мог работать, не занимая радиорубку и капитанский мостик. Поплавав по блокам и поболтав с экипажем, пообщался с капитаном, который единственный на станции был в курсе того, что произошло во время последнего контакта. Тот сообщил, что после доклада на Землю там принимают решение по дальнейшему ходу миссии. Пока все на паузе, потому что в ЦУПе пытаются разобраться в ситуации. Еще Шаоси просил связаться, как только будет возможность.

Добравшись до своего офиса, Теон сверился с часами, вызвал ЦУП и сообщил, что готов поговорить с китайцем. Новостей было много. Из хорошего – то, что лидеры решили раскрывать Фобос на технологии. Из не очень – то, что все, кто был задействован в миссии, теперь находятся на жестком карантине и даже на Земле должны будут жить в закрытом, хоть и со всеми удобствами, поселении. Впрочем, до земного карантина ему было еще далеко. Впереди предстояли несколько контактов с Фобосом, а возвращение на Землю планировалось только через два месяца после того, как к Марсу вернется «Зевс» с первыми секциями будущей станции и сменой экипажа.

Пока же Земля хотела, чтобы инопланетный разум поделился технологией, способной остановить глобальное потепление. Для этого нужно было снова войти в контакт с Фобосом.

Высадку запланировали на следующий день. Все прошло по уже знакомой процедуре. Когда ковчег показался из-за горизонта, «Персей» доставил двойку контактеров к поверхности. Затем пешком к пустой шахте «монолита», там нашли вершину с изображением атома воды. Потом контакт и быстрый спуск вниз. Сразу попал в африканскую саванну, где у костра уже ожидал задумчивый и немного грустный шаман.

– Ваше решение было быстрым, – он привычным движением подобрал с песка сухую ветку и бросил ее в костер. – Наверно, правительства относятся к проблеме изменения климата серьезно.

– Если бы относились серьезно, не подошли бы так близко к катастрофе, – ответил Теон, опускаясь на теплый песок у костра.

– Обычная ситуация для ранних цивилизаций, – шаман бросил на него быстрый, по-земному любопытный взгляд, словно стараясь уловить изменения, произошедшие с прошлой встречи. – На Марсе у Создателей была похожая ситуация, пока не вмешался Творец. Только она еще осложнялась постоянной высокой сейсмической активностью. Вулканы выбрасывали в атмосферу огромное количество углекислого газа, поэтому его приходилось изымать.

– И какую вы разработали для этого технологию?

– Очень простую. Ту же, что используют земные деревья. Фотосинтез, в результате которого растение забирает из атмосферы двуокись углерода, расщепляет ее, связывает углерод в древесине, а кислород отдает обратно.

– Вы хотите предложить нам растения? – разочарованно спросил Теон.

– Не совсем. Для изъятия углерода создатели сконструировали искусственный микроорганизм, напоминающий ваши примитивные одноклеточные водоросли. Он образует на поверхности океанов колонии, которые из связанного углерода выстраивают сооружения, похожие на рифы. С той лишь разницей, что вместо известняка их каркас состоит из древесины и

они плавают по поверхности, как острова. Их массивный древесный каркас и есть изъятый из атмосферы в процессе фотосинтеза углерод. Вот смотрите.

Над костром возник вид с орбиты незнакомой планеты. Почти все Северное полушарие занимал океан, по которому были разбросаны несколько небольших континентов, окруженных россыпями разного размера островов. Южное полушарие было сплошь покрыто сушей. Судя по песочно-серому цвету – пустыней. Побережье океана и омываемые им континенты окрашены в темно-бурые оттенки зеленого, который, по-видимому, означал растительный покров.

– Это Марс? – спросил миллиардер.

– Да. Таким он был до катастрофы.

Изображение резко увеличилось, уводя зрителя к одному из крупных островов на поверхности океана. Размер определить было сложно, но он явно находился в пределах сотни километров. Затем воображаемая камера нырнула под воду. Оказалось, что остров похож на айсберг. Почти девяносто процентов его пористой, как плотная губка, структуры находилось под водой. Снова увеличение, чтобы показать волокнистую структуру основы острова, и еще дальше изображение веществ, циркулирующих по похожим на древесные капиллярам. Потом выход на поверхность и снова увеличение. Весь остров оказался покрыт буро-зелеными нитевидными водорослями, которые медленно колыхались на волнах.

– Вот та самая технология, которая позволила изъять углекислый газ из атмосферы Марса. Эти простейшие водоросли размножаются с поразительной быстротой и очень эффективны. Они сбалансировали атмосферу менее чем за 10 лет. К тому же побочный продукт этого процесса – древесное волокно, которое можно использовать десятком разных способов.

– Выглядит интересно, но сработает ли в нашей экосистеме?

– У вас... в голове недостаточно знаний, чтобы я мог сделать однозначный вывод. Судя по тому, что минеральный состав наших планет схож, океаны тоже должны быть похожи. Я могу провести более точные расчеты, если у меня будут данные по химическому составу вашего океана и его экосистеме.

– Я посмотрю, в каком виде можно вам доставить информацию.

– Посмотрите, – безразлично пожал плечами шаман и пошевелил костер посохом. – Только я не смогу считать ее с ваших носителей. Ваши технологии обработки и хранения информации безнадежно примитивны. Для получения информации мне нужен... личный контакт с ученым, специалистом в этой области, чтобы я мог снять данные, как вы выразились, из его головы.

– С этим могут возникнуть сложности, – нахмурился Курц. – У нас еще не налажено регулярное движение от Земли к Марсу. Следующий корабль будет только через два месяца. К тому же мне надо получить согласования на такой контакт.

– Понимаю, – медленно кивнул шаман. – Я готов ждать.

– Могу я задать несколько вопросов? Это поможет мне лучше вас понять.

– Пожалуйста.

– Почему Создатели не переселились на другую планету, если в их распоряжении были такие продвинутые технологии.

– Кроме Марса на тот момент единственной пригодной для жизни планетой в Солнечной системе был Фаэтон. Это было угрюмое, недружелюбное место. Мало солнечного света, постоянные приливные воздействия от Юпитера, вызывающие непрекращающуюся вулканическую активность. Вода только в виде льда на полюсах и под метровым слоем грунта. В таких суровых условиях могли существовать только простейшие микроорганизмы. На Земле в то время жизнь только зарождалась. Теоретически, на ледяных спутниках Юпитера и Сатурна тоже могли возникнуть условия для жизни. Возможно, она там есть и сейчас. Но это холодные водные миры, которые были бы непригодны для Создателей. К тому же миссией Создателей, назначенной им Творцом, на этом этапе было освоение Марса. Их не интересовали полеты к другим пла-

нетам. Эта ветка технологий была слабо изучена. Поэтому ковчег и выглядит так топорно, и даже примитивно. Вместо того чтобы строить на орбите отвечающее миссии искусственное сооружение, Создатели были вынуждены воспользоваться одним из спутников, осколков от Фаэтона, захваченных притяжением Марса. К тому же времени у них было очень мало. Но и так получилось неплохо.

– А если бы мы не прилетели к Марсу? – чуть склонив голову, спросил Теон.

– Я знал, что вы прилетите. Визуальные данные подтверждали, что на Земле последние триста миллионов лет активно развивалась экосистема. При таких темпах вероятность появления разумной жизни была очень высока. Поэтому я ждал. Последние сто лет от Земли шел нарастающий электромагнитный фон, который говорил, что там активно растет техногенная цивилизация. Когда ваш прогресс достиг уровня, способного поддерживать регулярные полеты на Марс, я понял, что вы готовы.

– Но ведь мы могли зависнуть на каком-то этапе на 200 лет – и все. Нас бы сжег гамма-всплеск.

– Могли, – не очень уверенно проговорил шаман. – Это была бы... трагическая случайность. Но я готов ждать. Гамма-всплеск уничтожил бы цивилизацию. Возможно, человечеству удалось бы возродиться через несколько сотен лет. Если нет, то эволюция жизни на Земле пошла бы на второй круг и через десятки миллионов лет появился бы новый разумный вид. К тому же у меня всегда оставался вариант возрождения Создателей. Но я наблюдал за Землей и был уверен, что вы лучшее... решение.

– Решение чего? – насторожился Теон.

– Решение проблемы восстановления Марса.

Шаман опустил голову на подбородок и надолго умолк. Совсем как тот настоящий шаман в Африке несколько месяцев назад. Вслушиваясь в верещание цикад в буше, Курц вдруг поймал себя на мысли, что иногда воспринимает его как человека.

– Это потому, что вы мыслите почти так же, как Создатели. Несмотря на физиологические различия, у вас одинаково устроено сознание, – прозвучал в голове голос Фобоса.

– Покажи мне Создателей, – стараясь звучать твердо, попросил миллиардер.

– Вы уверены? – поднял на него глаза шаман и, увидев, как тот, сжав губы, кивнул, вывел над пламенем костра голограмму.

– Боже, – изумленно выдохнул Теон.

Те, кого Фобос называл Создателями, были похожи на «чужого» из фильма ужасов. Почти такое же жилистое тело, покрытое лоснящейся слизью, гибкий, как хлыст, хвост с шипом на конце, удлиненная голова и пасть усаженная острыми хищными зубами. Даже слюна сочится, как в фильме.

– Признаюсь, я и сам был удивлен сходством, – чуть склонил голову Шаман. – Земные художники, придумавшие этого киноперсонажа, были невероятно точны даже в самых незначительных деталях, за исключением набора вторичных челюстей, выдвигающихся из пасти. Вероятность таких совпадений чрезвычайно мала. Я догадываюсь, откуда он у вас. Но, самое главное, образ «чужого» из фантастического фильма создал в вашем... сознании стереотип враждебного, злобного инопланетного существа, откладывающего эмбрионы в человеческие тела. Поэтому я не хотел вам их показывать. Несмотря на устрашающую внешность, в этом теле все функционально. Создатели эволюционировали из земноводных хищников. Их тело создано природой так, чтобы максимально эффективно убивать добычу на мелководье, в прибрежной заболоченной зоне и в мангровых лесах, окружавших острова. С развитием инстинкт хищника ослабел, утратились многие полезные для охоты черты. Развились передние конечности, увеличился мозг. Создатели начали больше проводить время на суше, поэтому ушли перепонки с конечностей. Появился новый, более совершенный метаболизм, который в конце концов сделал их теплокровными, не зависящими от внешней температуры. Кожный покров

стал более грубым, приспособленным к долгому пребыванию на воздухе. Но при всем этом основные морфологические черты вида сохранились.

– У них осталась психология хищника?

– На этом этапе нет, – шаман сверкнул в полутьме белозубой улыбкой. – В начале развития Создателя, как и вы, воевали друг с другом... и с другими видами. Но после того как они приняли Творца, войны прекратились. Это были милейшие дружелюбные существа, живущие счастливой беззаботной жизнью в гармонии с природой и с собой. Марс давал им все: жилища, еду, развлечения. Это было поистине совершенное общество.

– Если Марс давал все и Создателя не испытывали нужды, как они построили развитую цивилизацию, обладающую технологиями самого высокого уровня?

– Для этой цели, согласно учению Творца, были выбраны две особые касты ученых и инженеров. Пока Создателя наслаждались беззаботной жизнью, плескаясь в теплых водах океана и нежась на пляжах, ученые создавали марсианскую цивилизацию. На одном из континентов они построили города, научные центры, лаборатории. В них, внимая напутствиям Творца, они изучали мироздание и создавали захватывающие дух технологии, многие из которых их обществу всеобщего благоденствия не были нужны. Именно эти касты ученых и инженеров можно считать моими Создателями.

– Интересная история, – недоверчиво хмыкнул Теон. – Жила себе раса, жила. Судя по твоему рассказу, жила беззаботно. Потом – бах, катаклизм и все полетело к чертям. Их мир уничтожен, а они остались в твоей памяти только в виде генетического кода.

– Не только. Такое длительное время их тела сохраниться не могли, но у меня в криокапсулах остались образцы их тканей. При соответствующих условиях я могу из клеточной культуры вырастить целый организм.

– Да? – миллиардер с опаской посмотрел на висящее над костром изображение «чужого».

– Я уже говорил, что такая возможность существует. Но сейчас, когда появились вы, практического смысла в этих действиях нет. Может, в будущем, когда между нами возникнет... доверие, вы сами изъявите желание возродить несколько особей ради научного интереса.

– Даже не знаю, – пожал плечами Теон.

– Вас никто не торопит. Если мы достигнем соглашения, у вас будет много времени, чтобы во всем разобраться.

– Хорошо. Я услышал твое предложение по устранению углекислого газа из атмосферы, – Курц встал, отряхнул песок со штанов. – Я передам его на Землю.

Ночная саванна пропала. Он оказался на висящей в пустоте платформе. Перед ним медленно мерцал мягким белым светом источник.

– Чтобы вашим ученым было легче работать, я готов предоставить больше технических данных, – предложил Фобос. – Пока мы говорили, я сумел разобраться в методах графической фиксации научной информации, которые вы используете. Думаю, мои изображения будут понятны вашим специалистам. Я надеюсь, регистраторы скафандра включены?

Не дожидаясь ответа, вместо точки появилась голограмма. В ней мелькнули кадры ролика про гигантские плавучие острова водорослей, которые он видел у костра, потом десятков схем, на которых можно было различить спирали ДНК, химические формулы и ряды баркода, напоминающие расшифровку генома.

– Этого должно хватить, чтобы ваши ученые начали работать с водорослями. Как только вы будете готовы, я смогу предоставить живую культуру для практического изучения.

* * *

На станции после осмотра медиком Теон со своим вторым номером опять попали на сутки в карантин. И снова: пробы вещества со скафандра, анализы, тесты. Земля делала максимум, чтобы исключить перенос инопланетной органики.

Правда, Шаоси к этому относился скептически. Он был убежден что на данный момент Фобос полностью владеет инициативой. Возможные действия миссии были ограничены очень небольшим выбором: идти по пути, обозначенному ковчегом, вернуться на Землю и забыть про Марс или уничтожить Фобос как потенциальную и непонятную угрозу. Китаец был убежден что, если бы ковчег хотел заразить Теона или экипаж станции, он бы давно это сделал, причем так, что в ЦУПе никто бы не заметил. Поэтому он считал суточные карантины бесполезным формализмом. Но технический и военный руководители миссии думали по-другому, и командир экипажа скрупулезно соблюдал предписанные протоколом действия.

Впрочем, шлем дополненной реальности давал возможность спокойно общаться даже в карантине.

Информация о водоросли была снята с регистраторов скафандра и передана в ЦУП сразу же, как только Теон поднялся из шахты. Оказалось, Фобос каким-то образом извлек из его памяти достаточно данных, чтобы оперировать понятными земным микробиологам символами. В формулах и схемах, конечно, оставались пятна и непонятные элементы, но ученые были уверены, что при помощи нейросети разберутся во всем в течение нескольких дней.

– Даже не знаю, откуда у меня в памяти столько информации по химии и биологии, – удивился Курц во время очередного сеанса связи.

– Похоже, наш мозг в автоматическом режиме архивирует все, что ему передают органы чувств, – предположил китаец. – Фобос каким-то образом получил доступ к этой информации и теперь ей свободно пользуется. Помните, он сказал при первом контакте, что теперь знает все, что вы видели и слышали.

– А видел и слышал я очень много. Значит, теперь он знает и об истории Земли, и о человечестве, и о наших технологиях. А мы о нем не знаем ничего. Может это вообще наведенная иллюзия.

– Так это или нет, мы проверим, когда разберемся с водорослями. Если он дал нам решение проблемы климата, то это очень полезная иллюзия и с ней можно иметь дело. Уже сейчас ясно, что водоросль – искусственная генетическая конструкция. В базовую структуру, напоминающую земные одноклеточные сине-зеленые водоросли, вставлены фрагменты генетического кода, похожего на древовидные папоротники. Именно они создают из изъятых из атмосферы углерода деревянный каркас гигантских плавающих островов. Как удалось совместить в одном геноме эти элементы, пока неясно, но ученые говорят, что им уже в принципе понятен механизм ее работы. По их словам, марсианская жизнь была очень похожа на нашу – те же микроразнообразия, похожие белки, аминокислоты, двуспиральная ДНК, напоминающая нашу. Все выглядит так, словно мы исходим от одного корня. Или, учитывая, что ковчег был построен три с половиной миллиарда лет назад... – Шаоси умолк и задумчиво пожевал губу.

– Вы думаете, они совершили посев жизни на Земле?

– Теперь, когда мы открыли ковчег, этого исключать нельзя. Но разбираться в этом будем позже.

– Может напрямую спросить Фобос? – предложил Теон.

– Попробуйте. Он хоть и очень продвинутый разум, но обладает только той информацией, которую в него заложили Создатели. А они по каким-то причинам могли что-то утаить или поставить запрет на разглашение, чтобы не пугать таких примитивных существ, как мы. В любом случае на данный момент приоритет – водоросли. В них еще много непонятного, но уже сейчас ясно, что они способны выполнить свою функцию. Со всем остальным разберемся по ходу. Если у нас будет фрагмент готовой культуры, мы размножим их сами и проверим, как они работают.

– Это займет десятилетия.

– Микробиологи говорят, если водорослям подойдет наш океан, то они будут размножаться лавинообразно. Вплоть до того, что через пару месяцев могут заполнить всю его поверх-

ность. Это, кстати, тема для вашего следующего разговора с Фобосом. Нам важно знать, как контролировать рост водорослей. Без механизма, способного сдерживать рост, запускать их в наши океаны очень опасно. Еще мы дадим вам почитать пару работ по климатологии: состав атмосферы, динамика потепления, вредные выбросы. Просто почитайте. Не старайтесь запомнить. Я предполагаю, что Фобос при следующей встрече снимет нужную информацию из вашей памяти. Нам понадобятся расчеты по оптимальной биомассе водорослей, необходимой, чтобы снизить содержание углерода до доиндустриальных показателей и поддерживать их на безопасном уровне.

– Вы не боитесь заносить инопланетную жизнь на Землю? – Теон вдруг подумал о том, что Создатели выглядели как «чужие» из фильма ужасов, и ему внезапно стало не по себе. Он не упомянул об этом моменте в своем докладе, решив пока не омрачать эмоциональный фон контакта.

– Риск есть, – задумчиво ответил Шаоси. – Мы его полностью осознаем. Перед тем как принять окончательное решение, мы предпримем все возможные меры предосторожности. Ученые досконально изучат новую биокультуру. Разберут на фрагменты ее геном. Проведут тесты в закрытых лабораториях. Только потом мы сможем оценить ее потенциал и возможность выпуска в естественную среду. Сейчас, когда угроза большой войны снята, три наши страны работают синхронно, особенно по теме климата. Если нам не удастся остановить глобальное потепление, то до удара гамма-всплеска по планете наша цивилизация может и не дожить. К тридцатому году процессы потепления примут лавинообразный характер. Начнется таяние вечной мерзлоты. Оно высвободит огромные объемы метана, парникового газа, в разы превосходящего двуокись углерода. Тогда климатическую катастрофу остановить будет уже невозможно. Во всяком случае, известными нам методами. Поэтому водоросли сейчас приоритет. Нам нужно как можно быстрее принять по ним решение или искать другие варианты.

– А сократить выбросы парниковых газов не вариант?

– Уже не вариант. Даже если мы сейчас прекратим всю индустриальную активность и сократим потребление энергии до минимума, изменение климата будет продолжаться. К сожалению, мы уже перешли черту, когда его можно остановить сокращением выбросов. Сейчас единственный выход – изъятие углерода из атмосферы или экранирование поверхности. Других вариантов у нас уже нет. Боюсь, через пять лет исчезнут и те, что остались.

– Ну что ж, – вздохнул Теон. – Выйду с карантина и снова на Фобос. Шлите ваши материалы по потеплению. Это лучше, чем ждать климатолога.

– Во время следующего контакта попросите образец культуры водорослей. Я свяжусь с капитаном, чтобы он подготовил контейнер для образцов. Мы таких загрузили десяток на случай, если внутри ковчега найдем следы жизни. Он полностью герметичен и имеет встроенную систему стерилизации высокотемпературной плазмой. Так что, думаю, три месяца до следующего прилета «Зевса» культура будет в безопасности.

– Может лучше попросить образцы перед прилетом корабля?

– Так оно, конечно, безопаснее. Но хотелось бы иметь культуру водорослей сейчас. Известно, что может произойти за это время. А так у нас будет образец инопланетной жизни, – китаец посмотрел на часы куда-то в сторону и кивнул. – Все. Мне надо бежать на доклад. Вы пока отдыхайте. Читайте материалы по климату и список тем для обсуждения, которые я вам пришлю.

Когда сеанс связи закончился, Теон снял шлем, перевел кресло в положение «кровать», чуть расслабил ремни и, закрыв глаза, попытался прогнать в голове последние три контакта. Вся история выглядела довольно органично. Древняя марсианская цивилизация погибла в результате космической катастрофы. После нее на орбите осталась станция терраформирования для того, чтобы возродить жизнь на Красной планете. Станция находилась в пассивном режиме до момента первого контакта. Фобос как будто ждал, когда в Солнечной системе

появится разумная цивилизация, достаточно продвинутая для межпланетных перелетов. И как только к нему постучались, он запустил цикл терраформирования, да еще сообщил об угрозе гамма-всплеска. Вроде бы все логично. Искусственный разум имеет миссию возродить Марс. Для этого в идеале нужна цивилизация, чтобы управлять терраформированием. Создателей возрождать хлопотно и долго, а человек вполне для этого подходит. Вот тут начинают возникать вопросы. Почему Фобос не начал терраформирование Марса раньше? Ведь он мог встать в точку Лагранжа, когда на его борту еще были Создатели. Сколько они находились на ковчеге? Сотни лет? Тысячи? За это время на планете можно было восстановить жизнь и популяцию разумных существ. Но по какой-то причине ковчег ждал других. Ждал и наблюдал, как на Земле развивается жизнь. Долго ждал. Три миллиарда лет. За это время можно было тысячи раз провести терраформирование Марса и наплодить миллиарды марсиан. Однако Фобос этого не сделал. Он ждал землян, чтобы сделать их новыми Создателями. Почему? Что за программа заложена в искусственном разуме?

В памяти снова всплыла картинка «чужого», показанная Фобосом над костром. «Милейшие существа» были созданы эволюцией как идеальные машины убийства, приспособленные для двух сред – суши и воды. И сходство... Сходство с ксеноморфами из голливудского фильма было поразительным. Настолько, что наводило на вопросы, откуда земной художник черпал вдохновение, создавая образ «чужого».

Задумчиво вздохнув, Теон посмотрел в иллюминатор. В нескольких сотнях километров под станцией плыл безжизненный пустынный Марс, колыбель и могила некогда цветущей цивилизации. Он снял с боковой стойки планшет и написал Акосте, шефу безопасности своей корпорации, короткое сообщение. Потом принял таблетку седатива и погрузился в сон.

* * *

Следующий контакт состоялся через два дня.

– Вам необязательно каждый раз спускаться на Фобос, – шаман пошевелил угли костра и бросил на Теона быстрый взгляд. – Я могу предоставить вам ментальный усилитель. Вы установите его на станции, и мы сможем спокойно общаться без утомительных перелетов, долгих переодеваний в скафандр и карантин.

– Спасибо за предложение. Боюсь, это не вариант. Через усилитель вы сможете иметь ментальный контроль над членами экипажа. Земля на это никогда не пойдет.

– Вам решать. Я просто хотел сделать наше общение более эффективным и удобным для вас. Я вижу, вам многое непонятно. Вы задаете себе вопросы, почему я не терраформировал Марс раньше и не возродил расу Создателей.

– Я просто размышлял, – Курц внутренне напрягся, поняв, что Фобос знает, о чем он думал после разговора с Шаоци.

– Вас беспокоит их внешний вид. С вашей точки зрения они не очень... эстетичны.

– Как они размножались?

– Ваши страхи напрасны. Они не откладывали эмбрионы в других существ, – улынулся шаман. – Они были плацентарными, живородящими, как и вы. Их внешний вид – это результат эволюции, максимально приспособившей их тела к существовавшим условиям. А насчет возрождения... Частично я вам уже ответил. Создатели выполнили свою миссию. Они создали меня. К сожалению, большие популяции сложных биологических форм не способны сохраняться миллиарды лет вне привычной для них среды.

– Но с вашими технологиями вы ведь могли спокойно поддерживать на ковчеге небольшую колонию. Создать для них обитаемую среду, оранжереи, жилые отсеки.

– Это было возможно. Однако в этом... не было смысла. Создатели выполнили свою миссию. Я ждал вас. Теперь вы можете стать новыми Создателями, – шаман надолго замолчал, задумчиво глядя в огонь. Создалось ощущение, что искусственный разум немного подвис.

– Хорошо. Оставим пока эту тему, – Теон понял, что не добьется ответа, и решил перевести разговор в практическое русло. – Наши ученые изучили материал, который вы мне предоставили прошлый раз. Водоросли для изъятия углекислого газа генетически очень схожи с тем, что есть у нас на Земле.

– Это неудивительно. На наших планетах схожий минеральный состав. Он обуславливает появление одинаковых химических формул, из которых при определенных условиях могут появиться схожие органические соединения. На ваш вопрос о посеве жизни на Земле я отвечу, что мне об этом ничего не известно.

– Для принятия решения по водорослям мне понадобится образец культуры.

– Я отправлю к вашей станции капсулу. Внутри будет несколько сферических контейнеров. Сами вы их вскрыть не сможете, но если они попадут в воду с небольшим количеством минералов, похожую на морскую, то раскроются автоматически. Дальше водоросли начнут размножаться. Судя по новым данным по климату, которые у вас появились, с момента запуска в среду водоросли достигнут эффективной массы через тридцать два месяца. В этот момент изъятие углерода из атмосферы превысит его выбросы. Я провел расчеты. Для эффективной работы системы вам понадобится 7-8 островов размером с Исландию.

– Контроль роста, – напомнил Теон.

– Да. Рост водорослей нужно контролировать, иначе они заполнят весь океан. Создатели использовали для этого антибактериальные средства. Ведь колонии водорослей состоят из одноклеточных бактерий. Когда остров водорослей достигал нужного размера они вводили вещество в их структуру и стабилизировали размножение. Таким образом микроорганизмы резко снижали скорость деления, обеспечивая только воспроизводство активного поверхностного слоя. Когда нужно было прекратить существование колонии, для того чтобы использовать находящиеся в каркасе ценные ресурсы, Создатели внедряли другой препарат, от которого водоросли погибали. Формулы обоих препаратов я вам передам. Они просты для синтеза и безопасны в применении.

– Спасибо, – благодарно кивнул Теон. – Что ты думаешь о нашем климате?

– Данные, которые я получил от вас, недостаточны, чтобы сделать однозначные выводы. Могу сказать одно: в экосистеме происходят изменения, связанные с тем, что антропогенные факторы наложились на циклические климатические процессы. Их результат не может угрожать вам как биологическому виду и как цивилизации, но шанс того, что в биосфере планеты произойдут драматические изменения, достаточно высок. Впрочем, такое у вас случается довольно часто. Взять хотя бы последний ледниковый период.

– Откуда ты знаешь про наш ледниковый период?

– Я наблюдал за вашей планетой. Я знаю. Изменения в биосфере будут, но люди смогут под них подстроиться.

– Хотя это радует. Хотя Землю жалко.

– Я вам дал шанс. Воспользуйтесь им, и вы сохраните существующую экосистему с минимальными потерями.

– Что ж. Я передам формулы веществ, способных контролировать водоросли, на Землю. Решение будут принимать наши лидеры. Хотя к чему эта возня с климатом и экологией. Через двести лет Землю все равно накроет гамма-всплеск.

– Вашу планету можно спасти, – в глазах шамана сверкнули отблески костра. – Существует способ защититься от смертельного луча.

– Ты его знаешь?

– Конечно. Нужно на траектории луча создать гравитационную призму. Она отклонит его в сторону, так что он не затронет Солнечную систему.

– Конечно, – улыбнулся Теон. – Если на пути луча поместить источник мощной гравитации, то он изменит его траекторию. Значит, нам необязательно переселяться на Марс, чтобы спасти человечество.

– Переселяться или нет – ваше решение. Не забывайте – это соглашение. Или, как вы выразились, сделка. Вы осваиваете Марс, становитесь новыми Создателями и получаете технологии, которые могут спасти Землю и ускорить ваше развитие. Или вы не осваиваете Марс, не становитесь Создателями, и тогда ваша планета выгорит от радиации. Потому что ни через две-сти, ни через тысячу лет вы самостоятельно не достигнете уровня технологий, позволяющего создать гравитационную призму, способную изменить направление гамма-всплеска, одного из самых разрушительных явлений во Вселенной.

– Так, выходит, у нас все же сделка?

– Называйте, как хотите, – безразлично пожал плечами шаман. – Моя миссия – возродить Марс. Она определена Творцом. Я в любом случае ее выполню. С вами или без вас.

– Понятно, – вздохнул миллиардер. – Какой у тебя план? Ты начал посев, сбросил часть капсул. Теперь ты должен стать в точку Лагранжа, чтобы закрыть Марс магнитным полем. Почему ты этого не сделал?

– Я не хотел прерывать контакт с вами. Если я встану в точку Лагранжа, даже при корректировке орбиты вы там окажетесь только через месяц. К тому же я не знаю, согласитесь ли вы стать новыми Создателями. А капсулы... Сброс части капсул – это демонстрация серьезности моих намерений. В них бактериальная культура, способная выжить в марсианской атмосфере, если появится магнитное поле. Они питаются окислами железа и выделяют кислород, при этом являются первичным звеном в новой пищевой цепочке. Капсулы способны лежать на поверхности миллионы лет. Так что им ничто не угрожает.

* * *

Когда после контакта «Персей», подобрав Теона, подлетал к орбитальной станции, от Фобоса отделилась небольшая искорка и пошла вслед за ним. Орбитальный самолет развернулся и подлетел ближе, чтобы ее рассмотреть. Оказалось, что это один из контейнеров, в котором на поверхность сбрасывались сферы. По-видимому, в нем находилась культура водорослей.

Капитан хотел подхватить ее манипулятором и загрузить в технический модуль в специально подготовленный стерильный контейнер, но Теон категорически возразил. Он вспомнил, как Фобос предложил установить на станции усилитель для того, чтобы обеспечить дистанционную ментальную связь, и побоялся, что такое устройство может оказаться в подарке ковчега.

«Персей» снова пошел к станции. Капсула, движимая неизвестной энергией, последовала за ним. Позже капитан разместил контейнер на кронштейнах снаружи технического модуля подальше от людей. Экранируют ли толстые стены станции от ментального контакта, было неизвестно, но такое расположение давало хоть какую-то защиту.

Во время следующего сеанса связи Шаоси сообщил, что ученые уже исследуют снятые с регистратора Теона формулы веществ, способных контролировать водоросли. Одно из них оказалось похоже на известный химикам раствор, оказывающий биостатическое действие, замедляющее размножение микроорганизмов, другое – на простой синтетический антибиотик, способный их убить. В общем, ничего неожиданного. Оставалось только ждать, когда «Зевс» вернется и заберет капсулу с биоматериалом для изучения.

В почте среди сообщений о делах корпорации приоритетом было выделено письмо от Акосты с ответом на посланный ранее запрос. Теона не покидали странные ощущения, вызванные тем, что Создатели были удивительно похожи на «чужого» из фантастического фильма Стенли Кубрика, поэтому он попросил шефа безопасности разыскать того, кто создал этого персонажа. Оказалось, что это был швейцарский художник, работавший в стиле фантастического реализма. Художник умер десять лет назад, поэтому выяснить, откуда к нему пришел

образ ксеноморфа, сейчас было уже невозможно. Однако агентам Акосты удалось получить доступ к его личным дневникам, хранившимся у дочери. Оказалось, что «чужой» был для швейцарца навязчивой идеей. Он действительно верил, что человечество столкнется с этими существами в будущем и тогда начнется тотальная война между двумя расами. Из дневника выходило, что образ «чужого» пришел художнику во сне после употребления тяжелых психотропов, из которых тот черпал вдохновение в своем мрачном творчестве. В своих записях он сбивчиво и непоследовательно пытался объяснить, что ксеноморф из фильма ужасов – не плод больного воображения, а предупреждение человечеству. В конце концов преследуемый созданными им самим кошмарами швейцарец ударился в алкоголь и наркоту и вскоре умер, окруженный бредовыми видениями.

История казалась странной, но она укрепила в Теоне сомнения насчет Создателей. Он инстинктивно чувствовал, что особи с таким агрессивным обликом не могут быть «милейшими существами» и, скорее всего, будут представлять угрозу. При последующих встречах Фобос, который наверняка снял эту информацию с его мозга, никак на нее не реагировал, поэтому миллиардер решил оставить мысли о ксеноморфах до того, как окажется на Земле. В конце концов, марсиане остались на Фобосе только в виде генетического кода. А пока он поручил Акосте внимательно изучить период жизни швейцарского художника, когда ему пришел в голову образ «чужого».

Тем временем жизнь на станции шла своим чередом. В ожидании решения Земли по водорослям Теон еще несколько раз контактировал с Фобосом, но разговора не получалось. Ковчег очень неохотно делился информацией о прошлом Марса, Создателях и технологиях, ссылаясь на то, что ему нужно принципиальное согласие, чтобы люди стали новыми Создателями. Однако решение по этому ключевому вопросу лидеры принимать не спешили. Они хотели вначале изучить водоросли и убедиться, что намерения Фобоса серьезны.

В миссии возникла пауза. Все ждали возвращения «Зевса» с блоками для расширения орбитальной станции и сменой экипажа.

Земля. Гавайи. Карантинный городок миссии «Рассвет»

Карантинный городок миссии располагался в поистине райском месте, на одном из небольших островов Гавайского архипелага. Утопающий в тропической зелени комплекс состоял из двух десятков небольших бунгало, нескольких зданий реабилитационного центра и гостиницы для персонала. Ограждения не было, но берег патрулировался охраной с суши и с воды. У причала стояли прогулочные яхты разных размеров, а на вертолетной площадке постоянно дежурил вертолет, обеспечивающий транспорт со столицей архипелага. Чтобы подчеркнуть серьезность карантина, в десятке километров отчетливо просматривался силуэт американского эсминца.

Кроме реабилитационного центра в распоряжении астронавтов, только что вернувшихся с Марса, были пара бассейнов, теннисные корты, открытые и закрытые спортивные площадки и шикарный пляж. В общем, все, что нужно, чтобы восстановиться после длительного пребывания в невесомости.

А восстанавливаться было чему. Полет к Марсу, ожидание «Зевса» и возвращение на Землю заняли почти полгода. За это время в организмах астронавтов произошли серьезные физиологические изменения, связанные с невесомостью. Их телам приходилось заново адаптироваться к земному притяжению. Процесс этот был постепенным и сопровождался множеством неприятных ощущений.

Особенно тяжело переносил возвращение Теон, который первый раз был в космосе и сразу попал в длительную миссию. Саму невесомость он перенес хорошо, но, оказавшись на Земле, в полной мере ощутил тяжесть притяжения и все сопутствующие последствия. Несмотря на регулярные физические нагрузки на орбитальной станции, мышцы потеряли значительную часть массы, изменилась работа сердца и вестибулярного аппарата, произошло еще много незаметных на первый взгляд изменений. В результате первые две недели на Земле Теон был прикован к постели. Максимум, что он мог себе позволить, – это перевести высокотехнологичную кровать в положение «кресло-коляска», чтобы во время прогулок в сопровождении медсестер насладиться пылающими тропическими закатами. Впрочем, в таком положении был весь экипаж, поэтому миллиардеру не было обидно за свою беспомощность.

Постельный режим снимал нагрузку на мышцы, а голова продолжала работать в прежнем напряженном режиме. Встречаться с астронавтами никому, кроме персонала городка, не разрешалось, но связь была налажена в реальном времени. Это позволяло Теону непосредственно, хоть и дистанционно, руководить своей бизнес-империей и участвовать в миссии, подсказывая новой смене астронавтов на орбите Марса, как общаться с ковчегом. Проблема была в том, что общения как такового не было. Фобос ждал решения Земли, а Земля ждала результатов исследования водорослей.

Для начального изучения первого образца инопланетной жизни на орбите была собрана небольшая лаборатория. Однако ученых ждало разочарование. Сфера, в которой находилась культура не раскрывалась в невесомости. Даже помещенная в аквариум с океанической водой, она не хотела выпускать водоросли. Это делало первый этап исследований на орбите невозможным. Через некоторое время контактер, занявший место Теона, подтвердил, что для срабатывания капсулы необходимо наличие гравитации. После этого пришлось форсировать сооружение защищенной лаборатории на одном из пустынных островов российского севера. В результате этой задержки практические исследования начались только через месяц после возвращения Теона на Землю.

Первые результаты были обнадеживающими. Как только сфера попала в герметичный бассейн с морской водой, ее створки раскрылись, выпустив мутное облако культуры. Вскоре на поверхности образовалось буро-зеленое пятно, из которого манипулятором была изъята проба. Ее изучение подтвердило соответствие морфологии формулам, переданным ранее Фобосом.

Культуру разделили на несколько частей, которые поместили в отдельные изолированные аквариумы для наблюдений. Воздух в одном из них насытили углекислым газом. Буквально через сутки в структуре водорослей появились напоминающие волосы нити, а чуть позже – древесные волокна. Стало очевидно, что все работает в точности так, как описал Фобос. Марсианский механизм фотосинтеза работал и на Земле. Водоросли изымали двуокись углерода из воздуха и связывали углерод в древовидный каркас, а кислород отдавали в атмосферу.

В течение следующей недели подтвердились и способы контроля роста и прекращения жизненного цикла водорослей. Доклад о результатах исследований был отправлен лидерам трех стран-участниц миссии. Те, не решаясь выпустить инопланетную культуру в земной океан, предложили продлить исследования еще на несколько месяцев в закрытых герметичных бассейнах. На этот раз с представителями морской флоры и фауны.

Через месяц в контрольной лаборатории на поверхности плавал десятисантиметровый древовидный каркас, покрытый водорослями, а под ним кишела земная морская жизнь. Рыбы с удовольствием отщипывали кусочки коры. Многочисленные поры и полости каркаса были забиты рачками зоопланктона. Медузы, креветки, моллюски чувствовали себя, как в обычном морском аквариуме. Правда, немного страдал фитопланктон, потому что плавающий на поверхности «матрас» водорослей, перекрывал свет от ламп, имитировавший солнечный. В общем, складывалось ощущение, что земная морская живность хорошо восприняла инопланетную жизнь и даже интегрировала ее в пищевую цепочку.

Следующим этапом стал перевод водорослей в более крупный объем воды. Выбор пал на океанариум в Атланте, вернее, на его самую крупную галерею, вмещающую 24 тысячи кубометров воды. В этом огромном резервуаре длиной 87, шириной 38 и глубиной от 6 до 9 метров была воссоздана самоподдерживающаяся экосистема Мезоамериканского барьерного рифа⁷ с несколькими тысячами обитателей. Объект закрыли для общего посещения, поставили забор и оцепление.

Основной целью этого этапа исследований было расширить площадку для изучения взаимодействия марсианских водорослей с морской фауной и отработать методы контроля размера плавучего острова. Здесь тоже все прошло гладко. Правда, было сделано одно наблюдение: после того как «матрас» разросся до заданных размеров 10 на 10 метров, семья дельфинов, жившая в соседнем резервуаре, начала заметно нервничать и в основном держалась в дальнем от перегородки углу аквариума. Дельфинов отселили в другой бассейн, где их поведение быстро вернулось к норме.

После месяца наблюдений в океанариуме ученые сделали вывод, что водоросли не представляют опасности для морской фауны и даже наоборот, создают новый элемент экосистемы, что-то вроде плавающего рифа, привлекающего планктон, а с ним и всякую морскую живность. Их рекомендация состояла в том, чтобы выпустить водоросли в полноценную морскую экосистему. Желательно во внутреннее море, со всех сторон ограниченное сушей и не имеющее доступа в океаны.

Под эти параметры лучше всего подходило Азовское море. После коротких консультаций было получено разрешение России на проведение эксперимента. В северной части выделили район в сто квадратных километров и поставили оцепление из нескольких военных и пограничных кораблей. Провели первоначальные замеры состава воды и взяли образцы флоры и

⁷ *Mesoamerican Barrier Reef System (MBRS)* – морской регион в Мексиканском заливе, который простирается более чем на 1126 км вдоль побережья Мексики, Белиза, Гватемалы и Гондураса.

фауны. Затем на воду был спущен один из «матрасов» размером метр на два. Через неделю он уже достигал нескольких сотен метров по площади, а через две – более квадратного километра. Тут пришлось решать проблему якорения, потому что часто меняющийся ветер гнал матрас за пределы выделенной зоны.

В течение месяца ученые наблюдали за ростом водорослей и их влиянием на экосистему и пришли к выводу, что критических изменений не происходит. Ожидаемым последствием роста «матраса» было то, что он перекрывал солнечный свет. Из-за этого под ним на дне образовывалась тень, в которой светолюбивые обитатели Каспийского мелководья чувствовали себе некомфортно. Это было единственным серьезным негативным эффектом, оказываемым водорослями на окружающую среду.

Когда матрас разросся до десяти квадратных километров, его размер успешно стабилизировали.

При проведении эксперимента в Каспийском море стал вопрос, как всю эту активность объяснить начавшей проявлять любопытство общественности. Для СМИ была озвучена легенда, что совместными усилиями военных микробиологов трех стран в китайских биолaborаториях сумели синтезировать культуру одноклеточных водорослей, способную быстро изымать углекислый газ из атмосферы. Сейчас идет ее тестирование в естественной среде. Это настоящий прорыв в борьбе с глобальным потеплением. На этом этапе детали проекта не разглашаются, но если эксперименты пройдут удачно, то у планеты есть шанс избежать климатической катастрофы.

Такое заявление вызвало волну обсуждения и спровоцировало аномальную активность экоактивистов. Но государства предприняли жесткие меры по ограничению доступа к информации и к месту эксперимента.

Исследования в Каспийском море длились два месяца. Результат был ожидаем – ученые доложили о безопасности водорослей и о том, что у них есть механизм их уверенного контроля. Настало время правительствам принимать решение о запуске программы восстановления атмосферы Земли.

Пока развивалась история с водорослями, Теон отсидел положенный срок в карантине. Врачи наконец согласились его отпустить с условием, что он будет носить медицинский модуль, транслирующий его физиологические параметры, и раз в неделю проходить полное обследование у специально подобранной бригады врачей НАСА.

Оказавшись на свободе, миллиардер первым делом отправился в Африку, в саванну. Он хотел увидеть реального шамана, посидеть у настоящего костра и ощутить реальный горячий песок в своей ладони.

Земля. Ботсвана. Чобе. Природный заказник Альфа-Спейс

Егеря спонсируемого Теоном заказника встретили своего благодетеля, как детишки встречают Деда Мороза. К вертолету собралась толпа местных в национальных одеждах. Были танцы, песни, венки душистых трав, в сухой сезон заменяющих цветы, огромное блюдо тушеной со специями поросятины и празднично разукрашенные пиалы из высушенной тыквы, наполненные чангаа – обжигающе крепким африканским самогоном.

Широко улыбаясь, миллиардер от души поблагодарил за гостеприимство, попросил охрану вытащить из грузового отсека вертолета несколько ящиков с подарками для взрослых и сладостями для детей, выписал местному вождю чек на круглую сумму для строительства больницы и, сославшись на усталость после долгого перелета, удалился в свой люкс.

Шамана в толпе не было. Теон вызвал старшего егеря и, расспросив, как дела в заказнике, поинтересовался, когда он последний раз видел местного знахаря. Тот ответил, что давно. Но слышал, что шаман никуда не делся. Появляется в деревнях, врачует, заговаривает, советует, как и прежде. Связи с ним нет, но он наверняка слышал о приезде дорогого гостя и, конечно, придет ночью к костру. Если не сегодня, то завтра уж точно. Кстати, не хочет ли мистер Курц проехать по угодьям? Нет? Устал с дороги? Тогда отдых, а вечером костерок, мясо антилопы на углях и настоящий на травах чангаа.

На закате, когда спал дневной зной, Теон вызвал старшего и проехался по окрестностям. Потом вернулся на базу, смыл вездесущую дорожную пыль под холодным душем и попросил по старой традиции развести костерок на полянке у кромки буша.

Ночь в субэкваториальной Африке наступает быстро. Сумерки в отличие от высоких широт короткие, но пронзительно яркие. Солнце, устав от дневных забот, полыхнет густым оранжевым закатом, свалится за горизонт, и тут наступает ночь. Густая, темная, жаркая, накрывающая саванну куполом, усыпанным крупным бисером мерцающих звезд, полная таинственных, пугающих звуков. И в этой темноте – небольшой, всего несколько метров, круг света от костра. Совсем как на платформе внутри Фобоса. Светящаяся теплым белым светом точка, а вокруг черная бездонная пустота.

Они посидели с егерями у костра. Не спеша поговорили о делах заказника. Поужинали жареными на углях полосками мяса антилопы и запеченным бататом. Выпили по стаканчику обжигающе крепкого чангаа. Потом старший потянулся за рацией, выслушал чей-то короткий доклад и кивком головы отправил егерей на базу.

– Шаман идет. Оператор коптера сообщил, – сказал он, понимаяюще глядя на Теона. – Я вам оставлю рацию. Буду рядом. Если что, дайте знать. В любом случае мы наблюдаем за вами с воздуха. На коптере тепловизор. Если увидим зверей, подойдем.

Старший ушел, Курц набрал полные легкие воздуха, медленно выдохнул и осмотрелся. Он вдруг ощутил неосознанный страх. А что, если все, что сейчас происходит, всего лишь симуляция в его голове. Что, если Фобос в первые же секунды контакта на «монолите» взял его мозг под контроль и теперь играет с ним, как кошка с мышкой. Он на секунду зажмурился и тряхнул головой, чтобы отогнать от себя это наваждение. Когда Теон открыл глаза, увидел неясный силуэт на границе света и тьмы.

Шаман молча вошел в круг света от костра и остановился, словно позволяя себя рассмотреть. С момента их последней встречи прошло больше года. За это время в облике местного знахаря ничего не изменилось: та же выцветшая военная туника, сучковатый посох, кожаная сумка через плечо, ожерелье из клыков льва и каких-то пестрых перьев. Только постарел немного. Или это только кажется в неверном свете костра.

– Ты один? – спросил шаман и присел у огня.

– Один, – кивнул Теон, налил пиалу чангаа и протянул ее над костром гостю.

Тот не спеша выпил, вытер тыльной стороной ладони губы и взял с неглубокой деревянной тарелки полоску мяса.

– Я слышал, ты был там? – он поднял глаза к небу.

– Был.

– И как?

– По-разному.

– Ты говорил с ним? – в глазах шамана алыми искрами отразились отблески костра.

– С кем? – судорожно сглотнул Теон.

– С Творцом.

– Откуда ты знаешь про Творца? – миллиардер почувствовал, как по спине пробежал неприятный холодок.

– До того, как на нашу землю пришли белые, мы поклонялись Высшему Существо, Творцу этого мира. Мы зовем его Модимо. Он передал нам этот мир и научил мой народ священному Бото – любить соплеменников и все живое. Когда пришли христианские миссионеры, Бото не стало. Люди больше не любят друг друга, они не любят свою землю, не любят саванну. За это нас ждет кара. Творец пришлет на землю бадимо⁸ древних. Тех, кого он создал до людей.

– Кого? – Теон облегченно вздохнул, поняв, что шаман говорит о мифологии древней религии, которая существовала на юге Африки до христианства. В Ботсване ее элементы органично вплелись в учение Христа, образовав с ним довольно колоритную местную версию.

– Бадимо – это ожившие мертвые. Бадимо людей добрые. Они помогают нам. Бадимо древних злые. Они созданы Творцом в наказание тем, кто забыл Бото.

– Понятно, – потеряв интерес к разговору, протянул миллиардер. – С бадимо или без бадимо порядок на Земле, конечно, навести надо.

– Бадимо древних не про порядок. Бадимо древних про убивать, – шаман отстегнул от пояса небольшую фляжку из сушеной тыквы и протянул ее над огнем. – Вот. Эта фляга досталась мне от старого колдуна. Я в ней держу яд. Он от рисунка становится более смертельным.

Теон принял фляжку, повернул рисунком к себе и, проглотив жесткий комок, вдруг образовавшийся в горле, прошептал:

– Твою ж мать...

На округлом боку было нанесено поблекшее, изрядно затертое, но все еще хорошо различимое изображение «чужого» – марсианского Создателя ковчега.

– Ты видел их. Ты видел бадимо древних, – горестно вздохнул шаман, протянул руку и забрал флягу. – Мне надо идти. Мне надо готовиться к приходу посланников смерти.

Знахарь медленно поднялся и не попрощавшись ушел в темноту.

Сбитый с толку Теон еще долго сидел, глядя на догорающий костер, стараясь унять сердце, гулко бьющееся в груди от дурного предчувствия.

⁸ Бадимо в аутентичной религии племен юга Африки означает умерших предков. По преданиям, это живые мертвецы, обитающие в отдаленных местах и помогающие людям справляться с трудностями.

Китай. Центр управления миссией «Рассвет»

Выслушав рассказ Теона, Шаоси встал с кресла и, задумчиво хмурясь, зашагал по кабинету.

– Знаете, коллега, мне тоже кажется, что во всей этой истории с ковчегом есть много непонятного и даже настораживающего. Но «чужие» – это слишком, – он с сомнением посмотрел на миллиардера. – Я понимаю, почему вы сразу не рассказали о необычной форме Создателей. Фобос прав, на этом этапе их отталкивающий внешний вид может серьезно осложнить восприятие нами марсиан, – он снова уселся за стол и нервно постучал карандашом по поверхности. – Давайте спокойно, без эмоций посмотрим, что мы имеем. Возможно, Создатели были похожи на «чужих». Земной режиссер откуда-то взял их образ и сделал из него персонаж фильма ужасов. Потом у него на фоне наркотиков возникла паранойя о том, что они могут угрожать Земле. Уверен, если бы я кололся героином, у меня бы тоже были такие мысли. У нас еще есть полуграмотный африканский шаман, который рассказал вам местные байки и показал флягу из сушеной тыквы, на которой было изображение, отдаленно напоминающее «чужого».

– Это был «чужой», – поправил его Теон.

– Может быть. А может быть, вы просто увидели то, что хотели увидеть. Фляга старая, краски истерлись, ночь, костер. Возможно, этот образ подсказало ваше воображение. Подсознание, знаете ли, иногда творит с нами странные вещи. По итогу мы имеем голограмму «чужого», предъявленную нам Фобосом, персонажа фантастического фильма и стертый рисунок на сухой тыкве. На первый взгляд, не очень много фактов, чтобы бить тревогу, даже если Создатели действительно выглядели, как ксеноморф из фильма Стэнли Кубрика.

– Я чувствую опасность, – недовольно насупился миллиардер.

– Это хорошо, что чувствуете. Именно поэтому вас и включили в миссию в качестве независимого исследователя.

– А еще потому, что орбитальная станция и корабль мои.

– И поэтому тоже, – примирительно улыбнулся китаец. – У вас своеобразный взгляд на вещи. Это очень помогает в работе. То, что вы чувствуете опасность, важно. Но это не значит, что она реально существует.

– Нам надо быть готовыми к встрече с «чужими», – упрямо повторил Курц.

– Надо. Но перед этим мы должны рассказать о ваших опасениях руководителям миссии и кураторам. А еще им надо будет объяснить, почему вы столько времени держали в тайне такую важную информацию. Тут я вам помогу. Думаю, мы вдвоем сможем составить правдоподобную теорию про внешний вид и сложности контакта. Я скажу, что не раскрывать историю про «чужих» было моей идеей. А сейчас, когда появились новые настораживающие детали, настало время поделиться этой информацией.

– Спасибо. Но это не снимает опасений. Я вижу два косвенных подтверждения тому, что ксеноморфы могут представлять опасность.

– И какие? Бредни обкуренного швейцарского художника и африканский фольклор?

– Образ «чужого» из фильма почти идентичен с тем, что мне показал Фобос. Это не может быть совпадением.

– Мы не знаем, что движет ковчегом. Мы не знаем, откуда у него этот образ. За три с половиной миллиарда лет с его мозгами могло произойти все, что хочешь. Человек, оказавшись в одиночестве, начинает строить воображаемый мир. Возможно, с инопланетным разумом случилось нечто похожее. Или Фобос мог перехватить сигнал спутникового телевидения с нашей орбиты, расшифровать и вытянуть из фильма образ «чужого».

– Вы хотите сказать, что ковчег смотрел наши спутниковые каналы?

– Я хочу сказать, что мы не знаем, что происходит в его мозгах, а значит должны быть готовы ко всему. «Чужие» могут быть милейшими существами, могут быть ужасными убийцами, но их может не существовать вообще. А раз так, нам нужно продолжать исследования. Согласны?

– Согласен. Но с учетом возможной опасности.

– О да, – понимающе кивнул Шаоси. – Думаю, пара красочных картинок из фильма ужасов в нашем докладе произведет на руководителей миссии должное впечатление.

Китаец оказался прав. Руководители миссии и кураторы из трех стран очень впечатлились рассказом Теона о внешнем виде Создателей и решили усилить военную компоненту «Рассвета». То, что это усиление будет серьезным, стало ясно по тому, как планируемый старт русского «Зевса-2» был отложен на целых два месяца, пока на Земле спешно готовили дополнительный модуль, напичканный вооружением. Еще было принято решение ввести в миссию киберпсихолога, разбирающегося в тонкостях искусственного интеллекта, с тем чтобы провести анализ его реакций и через разрывы логических цепочек попытаться манипулировать ковчегом. На эту мысль натолкнул давний доклад Теона о том, что Фобос «подвис» в момент обсуждения внешнего вида и поведения Создателей.

Также было принято решение, что Теону больше не стоит контактировать с ковчегом, чтобы не создавать негативный фон и не выдавать информацию о том, что на станции усиливается боевая секция.

Все это не мешало миллиардеру готовиться к следующему полету на Марс. За прошедшие полгода были приняты в эксплуатацию российский и китайский «Зевсы». Каждый из них уже успел сделать к Красной планете по одной ходке. Помимо секций орбитальной станции, частью их груза были блоки спускаемого аппарата, способного доставить астронавтов на поверхность и вернуть обратно. Через два месяца, необходимых для сборки боевого модуля, на орбите будет готов к очередному рейсу русский «Зевс-2», который доставит ступени с горючим для спускаемого аппарата. Предполагалось, что на поверхность одновременно ступят китаец, русский и американец. В глазах землян это будет символизировать крепнущий союз трех ведущих мировых держав. Представителем Америки будет Теон Курц – создатель технологии, позволившей отправить людей к Марсу, и первый человек, вступивший в контакт с инопланетной цивилизацией. Правда, о последнем никто на Земле, кроме тех, кто был непосредственно задействован в миссии, не догадывался.

* * *

Пока шел курс интенсивной подготовки к полету экипажа «Зевса-2», Теон не выпускал из поля зрения историю с экспериментом в Каспийском море. Там ученые позволили острову марсианских водорослей разрастись до ста квадратных километров и включили режим сдерживания роста. При этом масса живых водорослей оставалась постоянной, остров находился в заданных размерах, но из-за избытка углекислого газа его древовидный каркас продолжал расти в глубину.

По расчетам приданного проекту искусственного интеллекта, для сбалансирования и поддержания атмосферы понадобится, как и говорил Фобос, около десятка островов размером с Исландию или один крупный размером примерно в половину Гренландии. Чтобы не распылять усилия по нескольким участкам, ученые сочли второй вариант более предпочтительным.

Изучив положительные отчеты из Каспийского моря, правительства согласовали развертывание программы в Тихом океане. Для того чтобы «заякорить» остров, его решили развернуть вокруг Маркизских островов – крошечного вулканического архипелага, расположенного на юге океана. Эти острова являлись осколком колониальных владений Франции и административно были частью ее заморских территорий. Париж был горд тем, что примет непосредственное участие в спасении планеты, и охотно согласился на предложение консорциума стран разместить остров на своем протекторате. Восьми с половиной тысячам жителей архипелага, в

основном аборигенам, выплатили щедрую компенсацию и переселили на другие острова Французской Полинезии. Часть из них осталась на прежнем месте. Для обслуживания острова и наблюдения за его состоянием требовалось несколько сот человек персонала.

С этого момента проект восстановления земной атмосферы с помощью марсианских водорослей, помимо кодового названия, получил еще и звучное имя «Поля Нептуна».

Когда «Зевс-2», спеша попасть в последние три месяца сближения планет, уносил Теона к Марсу, на Нептуновых Полях уже вовсю кипела работа вокруг матраса водорослей, быстро растущего вокруг архипелага.

Орбита Марса

С момента, когда Курц покинул орбитальную станцию полтора года назад, она серьезно разрослась. «Зевсы» во время этого шестимесячного периода сближения планет, когда полеты к Марсу были возможны, уже успели сделать два рейса. Каждый раз космические буксиры доставляли сегменты для расширения конструкции. Теперь базовая станция состояла из двенадцати модулей. К ней на жесткой сцепке были пристыкованы стапели. На них уже шла сборка «Персея-М» – корабля, который должен доставить группу астронавтов на поверхность Красной планеты. С обратной стороны на выдвижной штанге располагался блок с ядерным реактором, питавшим станцию энергией, и поле дублирующих его солнечных батарей.

Вся конструкция станции, как и миссия, теперь носящая название «Рассвет», выглядела не очень футуристично, даже несколько неуклюже, зато была максимально функциональной.

«Зевс-2», на котором прибыл Теон, доставил еще шесть модулей с полезным грузом. Из них три – готовые к сборке ступени с топливом для «Персея-М». Еще в блоке была полноценная лаборатория, контейнер жизнеобеспечения и напичканная вооружением и электроникой автономная боевая станция с несколькими пусковыми ракетными установками. В случае опасности она должна была отделиться от «Рассвета» и действовать согласно боевым протоколам, один из которых предусматривал попытку уничтожения Фобоса.

Персонал станции увеличился до двадцати человек. Половина из них были инженеры, монтировавшие на стапелях «Персей».

Теона со сменным экипажем встретили тепло. После размещения в новом жилом блоке организовали общий ужин в кают-компании, потом провели по станции, показали, что нового, и рассказали, какие планы на ближайшее время.

Оказалось, что, после того как будет налажена процедура высадки на Марс и возвращения на орбиту, на «Рассвете» планируется соорудить жилые блоки с искусственной гравитацией. Вокруг станции будет смонтировано колесо, которое, вращаясь, станет создавать центробежную силу, сравнимую с земным притяжением. Внутри него разместятся индивидуальные жилые ячейки и помещения общего пользования. В случае успеха станция будет развиваться в форме волчка или бублика, так часто описываемого фантастами.

Первые несколько дней Теон проводил много времени с контактером. Тот должен был покинуть «Рассвет» вместе со сменяемым экипажем и передать дела киберпсихологу, который теперь будет общаться с Фобосом.

На роль контактеров подбирали людей с минимально возможными знаниями о целях миссии, ее технических и особенно военных возможностях. Это было обусловлено тем, что Фобос мог считывать информацию с мозга. К каким выводам способен прийти ковчег при ее анализе, было неясно, поэтому человек, вступавший с ним в контакт после Теона, служил лишь для передачи информации.

С киберпсихологом, в задачу которого входило разобраться в том, как работает искусственный разум, все обстояло сложнее. Тут решение подсказал Теон. Нужно открыто обозначить Фобосу свои цели. Все идет к тому, что Поля Нептуна на Земле работают. Значит, правительства примут решение о сотрудничестве с Фобосом и согласятся на то, чтобы люди стали новыми Создателями. Это выведет отношения людей и ковчега на новый уровень доверия. Теперь его надо будет углубить, а для этого необходимо понимание, как работает искусственный разум. Отсюда и киберпсихолог в виде контактера.

Судя по первому отчету, эта версия сработала. Фобос в общении с новым контактером был более открыт. Ему даже нравилась игра с его логическими тестами и рассуждения о природе искусственного сознания. Похоже, при этом он сам изучал психологию человека.

Тем временем сборка «Персея» для высадки на Марс была закончена по плану. Готовые модули смонтировали на стапелях. После серии тестов корабль отошел от станции и начал ходовые испытания. На доработку и устранение неполадок ушло несколько недель, после чего по результату работ капитан доложил на Землю, что миссия готова к высадке на Красную планету.

Пока шла сборка и обкатка «Персея», на станцию пришла интересная информация. Один из орбитальных зондов, постоянно сканирующий поверхность Марса, обнаружил под северной ледяной шапкой температурную аномалию и полость на границе льда и почвы. Более того, установленный на нем радар подземного зондирования обнаружил в толще льда объект, напоминающий исчезнувший с Фобоса «монолит». Все бы ничего, мало ли какие объекты могут быть оставлены на Марсе Создателями. Проблема была в том, что при прошлом зондировании этого района, проведенном два года назад до начала миссии, ни аномалии, ни полости, ни «монолита» там не было. Зонд был старенький. Установленной на нем связке из двух радаров для подземного зондирования было уже лет десять. Но несмотря на почтенный возраст, они продолжали исправно собирать информацию, а совсем недавно были включены в список активов миссии. Не доверять этим приборам причин не было.

Чтобы подтвердить данные, послали оснащенный более современным оборудованием орбитальный челнок. Тот вернулся с подробной картой глубин северной полярной шапки. На ней четко просматривалась температурная аномалия, образовавшая во льду полость, а в ее центре – трехгранное тело «монолита», по размерам в точности совпадающее с тем, что был на Фобосе.

Получалось, что Ковчег сбросил этот объект одновременно с первым посевом капсул. С какой целью? Этот вопрос был задан Фобосу. Тот ответил, что такова воля Творца. «Монолит» – источник жизни и неотъемлемая часть возрождения Марса.

На Земле, посоветовавшись, решили наблюдать за ситуацией. «Монолит» мог начать топить лед, чтобы насытить атмосферу содержащимся в нем водяным паром и двуокисью углерода. Но для этого он должен был находиться снаружи, а не внутри ледяной шапки. Сейчас же получалось, что он вытапливает подо льдом не имеющую контакта с атмосферой полость.

Тем временем «Персей» закончил ходовые испытания и вернулся на станцию, для того чтобы принять экипаж. Русский пилот, китайский бортиженер и американский астронавт-исследователь станут первыми людьми, ступившими на Марс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.